А. Л. БЕМЪ

О ПУШКИНѢ

СТАТЬИ

Издательство „ПИСЬМЕНА“
Ужгородъ 1937

Типографія Школьной Помощи, Ужгородъ

А. Л. БЕМЪ

О ПУШКИНѢ

СТАТЬИ

Издательство „ПИСЬМЕНА"
Ужгородъ 1937

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ

* 26 ст. ст. мая 1799 г. — † 29 ст. ст. января 1837 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Задача настоящей книги восполнить пробѣлъ, существующій въ русской литературѣ о Пушкинѣ за предѣлами Россіи. Въ дни столѣтняго юбилея со дня смерти великаго русскаго писателя несомнѣнно возрастетъ интересъ къ его личности и творчеству. Необходимо дать въ руки каждому, кто хотѣлъ бы получить самыя необходимыя свѣдѣнія о Пушкинѣ или кто пожелалъ-бы воскресить въ памяти черты его личности, книжку, удовлетворяющую этимъ потребностямъ. Еще болѣе настоятельна нужда въ такого рода пособіи среди дѣятелей народнаго просвѣщенія. Въ дни юбилея не разъ возникнетъ также необходимость обратиться къ наиболѣе доступному способу освѣжить въ памяти и почерпнуть нѣкоторый фактическій матеріалъ для публичныхъ чтеній о Пушкинѣ. Хотя авторъ и не писалъ популярно-научнаго пособія, но все же онъ имѣлъ въ виду придти на помощь широкимъ кругамъ читающей публики. Поэтому онъ нашелъ необходимымъ включить въ книгу и краткую біографическую справку о Пушкинѣ. По тѣмъ же причинамъ онъ нѣсколько злоупотребляетъ цитатами, полагая, что въ условіяхъ, когда далеко не у всѣхъ находится подъ руками собраніе сочиненій Пушкина, книжка должна сразу дать и необходимый текстъ пушкинскихъ стиховъ. Авторъ, однако, надѣется, что читатель, знающій современную литературу о Пушкинѣ, учтетъ и то, что всюду, гдѣ это необходимо, приняты во вниманіе новѣйшія работы о Пушкинѣ, а нерѣдко въ книгѣ про-

водится и самостоятельная точка зрѣнія, основанная на спеціальныхъ изысканіяхъ. Авторъ старался избѣжать ссылокъ на источники, чтобы не перегружать книжку примѣчаніями. Для читателя, который заинтересуется поднятыми въ книжкѣ проблемами, будетъ не трудно этотъ недостатокъ пополнить, обратившись къ спеціальной литературѣ. Авторъ будетъ счастливъ, если въ предѣлахъ поставленной задачи, его книжка займетъ свое скромное мѣсто въ юбилейной литературѣ о Пушкинѣ.

Прага, 15-го ноября 1936.

Пушкинъ
и его мѣсто въ литературѣ

1. Біографическая справка

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ самомъ концѣ XVIII вѣка въ Москвѣ (26 мая ст. ст. 1799 г.). Этимъ какъ-бы символически подчеркнута его связь съ вѣкомъ русскаго классицизма, которому онъ въ своемъ творчествѣ отдалъ большую дань. Онъ происходилъ изъ древняго русскаго дворянскаго рода Пушкиныхъ, роль и заслуги отдѣльныхъ представителей котораго Пушкинъ нерѣдко выдвигалъ, чтобы противопоставить себя потомкамъ новаго дворянства, вышедшаго изъ придворной знати XVIII в. Мать его была внучкой Абрама Ганнибала, извѣстнаго «арапа Петра Великаго», котораго Петръ получилъ въ даръ въ числѣ нѣсколькихъ «способныхъ мальчиковъ араповъ» черезъ своего посланника въ Константинополѣ. Самъ Пушкинъ очень интересовался своими африканскими предками и въ своемъ незаконченномъ романѣ «Арапъ Петра Великаго» посвятилъ своему прадѣду вдохновенныя страницы. Слѣдуетъ здѣсь же отмѣтить, что Пушкинъ вообще не былъ равнодушенъ къ своему прошлому и неоднократно подчеркивалъ свое «шестисотлѣтнее дворянство». Онъ полагалъ, что «гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно» и считалъ неуваженіе къ предкамъ «признакомъ дикости и безнравственности». Потомокъ обѣднѣвшаго исторически-заслуженнаго дворянскаго рода, Пушкинъ могъ только это чувство чести и благородства противопоставить той «свѣтской черни», которая вела въ большинствѣ случаевъ свое происхожденіе отъ временщиковъ при дворѣ XVIII в. Сказалось въ этомъ и своеобразное историческое чутье

Пушкина, который всегда живо воспринималъ роль традиціи въ исторіи.

Отецъ Пушкина, Сергѣй Львовичъ, принадлежалъ къ тому кругу свѣтскаго московскаго общества, который такъ ѣдко высмѣялъ въ своей комедіи «Горе отъ ума» А. С. Грибоѣдовъ. Воспитанный на французской культурѣ XVIII в., безпечный и легкомысленный, онъ мало вниманія удѣлялъ своей семьѣ, больше думая о свѣтскихъ удовольствіяхъ, чѣмъ о судьбѣ своихъ дѣтей. Мать поэта, Надежда Осиповна, въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличалась отъ отца. Лишенный родительской ласки и вниманія, Пушкинъ съ тѣмъ большей благодарностью вспоминаетъ свою бабушку, Марью Алексѣевну Ганнибалъ, и свою няню, прославленную его стихами Арину Родіоновну. Имъ онъ обязанъ и первыми уроками русскаго языка и пробужденіемъ дѣтской фантазіи, вызванной разсказами о старинѣ и знакомствомъ съ русскими сказками и народной пѣсней. Большое значеніе для будущаго развитія Пушкина имѣло то, что въ домѣ его отца была хорошая библіотека преимущественно французскихъ книгъ, къ которой онъ имѣлъ свободный доступъ и которой онъ широко пользовался. Отецъ поддерживалъ литературныя знакомства, и у него часто бывали въ гостяхъ многіе русскіе писатели. Посредникомъ въ этихъ литературныхъ связяхъ отца былъ его братъ, Василій Львовичъ Пушкинъ, самъ небезызвѣстный поэтъ того времени. Онъ былъ не только знакомъ, но и поддерживалъ дружескія отношенія съ рядомъ выдающихся писателей той поры, какъ И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій, К. Н. Батюшковъ и др. Такъ еще мальчикомъ Пушкинъ окунулся въ литературные интересы и лично встрѣчался въ гостиной отца своего съ крупными представителями русской литературы. Въ 1811 году Пушкинъ поступаетъ въ Царскосельскій Лицей, закрытое учебное заведеніе, учрежденное въ этомъ году по желанію императора Александра I для «образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной и составленнаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій». Въ

Царскомъ Селѣ, овѣянномъ атмосферой великолѣпія XVIII вѣка и придворнымъ этикетомъ двора, провелъ Пушкинъ свои школьные годы. Дружной семьей росли здѣсь лицеисты, и Пушкинъ вынесъ изъ Лицея на всю жизнь культъ дружбы и товарищества. 19 октября, день основанія Лицея, такъ называемая «лицейская годовщина» не разъ отмѣчена въ творчествѣ Пушкина превосходными стихами. Принесенные еще изъ отцовскаго дома интересы къ литературѣ и раннія робкія попытки самостоятельнаго творчества нашли въ Лицеѣ благопріятную атмосферу. Среди воспитанниковъ Лицея было нѣсколько начинающихъ поэтовъ, а интересъ къ поэзіи былъ общимъ. Такъ возникли первые литературные опыты, предназначенные для рукописныхъ лицейскихъ журналовъ. За время пребыванія въ Лицеѣ Пушкинымъ было написано немало стиховъ, большинство которыхъ навѣяно его увлеченіемъ такъ называемой легкой «анакреонтической» французской поэзіей XVIII в., главнымъ образомъ Парни (1753—1814). Въ 1817 г. Пушкинъ кончаетъ Лицей и поступаетъ на государственную службу по министерству иностранныхъ дѣлъ. Начинается первый «петербургскій періодъ» жизни Пушкина (1817—1820 г. г.). Вскорѣ послѣ окончанія Лицея Пушкинъ на короткое время ѣдетъ въ село Михайловское, псковское помѣстье своего отца, которое позже, спустя семь лѣтъ, станетъ мѣстомъ его невольной ссылки. Вернувшись въ Петербургъ, Пушкинъ съ головой уходитъ въ свѣтскую жизнь: балы, дружескія вечеринки, театръ, собранія «Зеленой Лампы», кружка богатой аристократической молодежи, въ которомъ вино мѣшалось со стихами, театральными пересудами и эпиграммами, любовныя похожденія — все это въ пестрой картинѣ смѣняло другъ друга. Но было бы ошибкой думать, что Пушкинъ не находилъ времени, среди свѣтской суеты и товарищескаго разгула, для болѣе серьезной работы. Въ это время въ немъ пробуждаются «вольнолюбивыя мечты», вызванныя встрѣчами съ отдѣльными представителями военной среды, побывавшими во время наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ и вынесшими оттуда новыя политическія идеи

и настроенія. Особенное вліяніе на политическое умонастроеніе Пушкина имѣли встрѣчи съ П. Я. Чаадаевымъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ представителей русской интеллигенціи, позже прославившимся своими «философическими письмами». Пушкинъ впитывалъ въ себя настроенія, которыя питали радикальную среду русскаго дворянства, вылившіяся затѣмъ въ декабрьское движеніе. Самъ Пушкинъ былъ близокъ со многими будущими декабристами, но непосредственнаго участія въ движеніи не принималъ. Такъ возникаютъ, рядомъ съ первымъ крупнымъ произведеніемъ Пушкина, его поэмой «Русланъ и Людмила», выдержанной въ псевдо-сказочномъ духѣ, рядъ «вольнолюбивыхъ» стихотвореній, широко разошедшихся въ спискахъ не только въ столицѣ, но и въ провинціи. Стихотвореніе «Деревня», представляющее протестъ противъ крѣпостного права, особенно ода «Вольность», прямо направленная противъ «гибельнаго самовластья», наконецъ, рядъ ѣдкихъ эпиграммъ противъ вдохновителей реакціи того времени, вызвали противъ Пушкина гоненіе со стороны правительства. Ему грозила ссылка въ Соловецкій монастырь, и только благодаря заступничеству его друзей, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковскаго и др. Пушкина постигла сравнительно легкая кара: онъ былъ переведенъ по службѣ на югъ, сначала въ Екатеринославъ, а потомъ Кишиневъ подъ начальство ген. И. Н. Инзова, главнаго попечителя колонистовъ южнаго края. Такъ начался второй, т. н. южный періодъ жизни поэта, продолжавшійся четыре года (1820—1824).

Случай привелъ къ тому, что первое время изгнанія Пушкинъ провелъ не по мѣсту своей новой службы, въ Екатеринославѣ, а въ живописной обстановкѣ Кавказа и Крыма. Пріѣхавъ въ Екатеринославъ, Пушкинъ скоро заболѣлъ жестокой лихорадкой, простудившись во время купанія въ Днѣпрѣ. Старый пріятель Пушкина, Н.Н. Раевскій-младшій нашелъ его тяжело больнымъ въ Екатеринославѣ и уговорилъ вмѣстѣ со своей семьей отправиться на Кавказъ. Эта встрѣча съ Раевскимъ имѣла въ жизни и творчествѣ Пушкина очень большое значеніе. Величественная при-

рода Кавказа, поэтическій ландшафтъ южнаго побережья Чернаго моря, новые люди и новая обстановка подѣйствовали возбуждающе на творческое воображеніе поэта. Въ семьѣ Раевскихъ съ живымъ интересомъ относились къ европейской литературѣ, и здѣсь Пушкинъ впервые ближе столкнулся съ поэзіей Байрона, которая произвела на него огромное впечатлѣніе. Вліяніе Байрона сказывается на поэмѣ Пушкина «Кавказскій плѣнникъ», написанной въ это время, и на рядѣ его лирическихъ произведеній, изъ которыхъ особенно надо выдѣлить элегію «Погасло дневное свѣтило...» Увлеченіе одной изъ дочерей генерала Н. Н. Раевскаго питаетъ южную любовную лирику Пушкина, и ему мы обязаны возникновеніемъ такихъ прекрасныхъ стиховъ, какъ «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда...» и др. Въ концѣ 1820 г. Пушкинъ переѣзжаетъ въ Кишиневъ (Бессарабія), гдѣ проводитъ около трехъ лѣтъ. Это одинъ изъ наиболѣе неблагопріятныхъ, по моральной обстановкѣ, періодовъ жизни Пушкина. Несмотря на разсѣянный образъ жизни, Пушкинъ все же и въ этотъ періодъ урываетъ время для творчества; здѣсь онъ создаетъ свой «Бахчисарайскій фонтанъ», поэму, въ которой все еще чувствуется значительное вліяніе Байрона. Лѣтомъ 1823 г. Пушкинъ переѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ служитъ подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова, намѣстника Бессарабіи и новороссійскаго генералъ-губернатора. Одесса по сравненію съ Кишиневомъ была большимъ европейскимъ городомъ, и Пушкинъ снова вернулся къ культурной жизни. Здѣсь онъ началъ свою поэму «Цыганы» и написалъ первыя двѣ главы «Евгенія Онѣгина». Страсть къ женѣ крупнаго одесскаго негоціанта, Амаліи Ризничъ, и глубокое чувство любви къ графинѣ Е. К. Воронцовой (урожд. Браницкой) окрашиваютъ интимную лирику Пушкина на долгое время. Нерасположеніе графа М. С. Воронцова къ Пушкину, обусловленное, можетъ быть, отношеніемъ Пушкина къ его женѣ, вызвало новую опалу поэта. Неблагопріятный отзывъ гр. Воронцова о Пушкинѣ вызвалъ его ссылку подъ опеку отца, въ село Михайловское.

Этимъ начинается третій періодъ жизни Пушкина, обнимающій годы 1824—1830.

Очутившись въ полномъ уединеніи, среди природы и въ общеніи съ народомъ, Пушкинъ въ своей поэзіи за время пребыванія въ с. Михайловскомъ достигаетъ полнаго развитія. Здѣсь онъ обращается къ чтенію Шекспира и создаетъ свою знаменитую драму «Борисъ Годуновъ», здѣсь онъ кончаетъ «Цыганъ» и работаетъ надъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ». Его одиночество скрашивается посѣщеніемъ сосѣдняго помѣстья Тригорскаго, принадлежавшаго Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Сама хозяйка, ея дочери отъ перваго брака, Анна и Евпраксія Вульфъ, гостившая въ Тригорскомъ родственница П. А. Осиповой, Анна Петровна Кернъ составляли тотъ дружескій кругъ, въ которомъ Пушкинъ скрашивалъ свое деревенское уединеніе. Слѣды любовныхъ увлеченій и дружескихъ чувствъ, вызванныхъ близостью къ семьѣ Осиповыхъ-Вульфъ, разсѣяны въ лирикѣ Пушкина на протяженіи многихъ лѣтъ. Декабрьское возстаніе 1825 г. застало Пушкина въ Михайловскомъ. Онъ остро пережилъ гибель и заточеніе декабристовъ, среди которыхъ были его близкіе друзья и товарищи. Весьма вѣроятно, что только случай спасъ Пушкина отъ катастрофы: будь онъ въ это время въ Петербургѣ, ему не избѣжать бы участи его товарищей-декабристовъ. Слѣды раздумій о судьбѣ декабристовъ и историческомъ значеніи этого событія находятся въ рядѣ произведеній Пушкина («Во глубинѣ сибирскихъ рудъ...», «Мѣдный всадникъ» и др.) и въ многочисленныхъ рисункахъ, которыми испещрены рукописи поэта. Уже въ царствованіе имп. Николая I Пушкинъ получаетъ разрѣшеніе вернуться въ столицу. Начинается тяжелое время въ его жизни. Дружеская опека царя, который поручилъ шефу жандармовъ, гр. Бенкендорфу просмотръ всего, что Пушкинъ пожелаетъ печатать, постоянный надзоръ за нимъ, вплоть до вскрытія его частной переписки, опасность новыхъ гоненій — все это ложится тяжелымъ бременемъ на душу поэта. Въ его поэзіи сказываются ноты тяжелаго раздумья, доходящаго временами до безнадежности и отчаянія

(стих. «26 мая 1828 г.», «Воспоминаніе», «Три ключа»). Тяжелое настроеніе отражается на творчествѣ Пушкина неблагопріятно: изъ крупныхъ вещей онъ пишетъ только поэму «Полтава», отразившую его интересъ къ личности Петра Великаго.

Въ 1829 году Пушкинъ совершаетъ путешествіе въ Закавказье, гдѣ въ это время велась война съ турками. Впечатлѣнія Кавказа отразились въ рядѣ его произведеній того времени («Делибашъ», «Кавказъ», «Монастырь на Казбекѣ»). Вернувшись въ Россію, Пушкинъ послѣ сдѣланнаго предложенія Н. Н. Гончаровой, славившейся своей красотой, ѣдетъ въ село Болдино (Нижегородской губерніи), гдѣ задерживается цѣлую осень изъ-за карантиновъ, отрѣзавшихъ отъ него Москву, въ окрестностяхъ которой свирѣпствовала эпидемія холеры. Эта такъ называемая «болдинская осень» 1830 года Пушкина была необычайно плодотворной въ его творчествѣ: въ три мѣсяца имъ написаны окончаніе «Евгенія Онѣгина», «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Каменный Гость», «Повѣсти Бѣлкина», и прекрасные образцы его зрѣлой лирики («Для береговъ отчизны дальной...», «Заклинаніе» и др.).

Послѣдній, четвертый періодъ жизни Пушкина, послѣ женитьбы на Наталіи Николаевнѣ Гончаровой до трагической смерти — проходитъ главнымъ образомъ въ Петербургѣ. Онъ прилежно работаетъ надъ историческими матеріалами, результатомъ чего явилась его «Исторія Пугачевскаго бунта» и «Капитанская дочка». Въ этотъ послѣдній періодъ написаны имъ «Мѣдный всадникъ», сказки и цѣлый рядъ стихотвореній, отличающихся глубиной содержанія и высокимъ совершенствомъ формы. Въ своемъ знаменитомъ «Памятникѣ» Пушкинъ какъ-бы самъ подводитъ итоги своей поэтической дѣятельности. Къ концу жизни блестяще развертывается и критическо-публицистическая дѣятельность Пушкина, какъ редактора основаннаго имъ журнала «Современникъ».

Послѣдніе годы жизни Пушкина представляютъ въ его біографіи поистинѣ трагическія страницы. Въ нѣсколькихъ строкахъ трудно передать и объяснить

обстоятельства, приведшія съ роковой неизбѣжностью къ трагическому исходу. Окруженный недоброжелательствомъ придворной среды, съ которой онъ теперь былъ невольно связанъ полученіемъ придворнаго званія камеръ-юнкера (1833), полный тревогъ и безпокойства за свою молодую красавицу-жену, не всегда умѣвшую себя держать съ соотвѣтственнымъ тактомъ и осторожностью по отношенію къ многочисленнымъ своимъ поклонникамъ, втянутый въ долги и обязательства, вызванныя требованіями этикета и ростомъ семьи, удрученный страшнымъ несоотвѣтствіемъ между тѣмъ значеніемъ, которое у него, перваго поэта Россіи, было въ широкихъ кругахъ общества, и положеніемъ «мужа своей жены» въ великосвѣтскихъ салонахъ и при дворѣ, наконецъ, опутанный сѣтью интригъ и постоянныхъ уколовъ самолюбію — Пушкинъ метался, какъ затравленный, въ невыносимой для него обстановкѣ, и нуженъ былъ только случай, чтобы наступила роковая развязка. Столкновеніе съ молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, барономъ Дантесомъ, который своими ухаживаніями за женою Пушкина давалъ пищу сплетнямъ и подозрѣніямъ, привело къ дуэли, кончившейся трагично для поэта. 27 января ст. ст. 1837 г. на Черной рѣчкѣ у Петербурга Пушкинъ былъ выстрѣломъ Дантеса смертельно раненъ и въ тяжелыхъ мученіяхъ скончался черезъ два дня, 29 января (10 февр. н. ст.). Похороненъ онъ былъ въ Святогорскомъ монастырѣ, Псковской губ., близъ села Михайловскаго.

2. Мѣсто Пушкина въ литературѣ

Пушкинъ былъ исключительно образованнымъ человѣкомъ для своего времени. Чтеніе его критическихъ замѣтокъ, литературныхъ статей и переписки поражаютъ объемомъ его интересовъ и глубиной его сужденій.

Отличное знаніе европейскаго литературнаго развитія давало Пушкину возможность органическаго освоенія главныхъ европейскихъ литературныхъ теченій и претворенія ихъ на русской почвѣ. Хотя самъ Пушкинъ въ молодости отдалъ дань увлеченія легкой

эротической поэзіей XVIII в., главнымъ образомъ — Парни, но при болѣе внимательномъ изученіи его творчества нужно признать, что куда болѣе значительный слѣдъ въ его творчествѣ оставилъ французскій классицизмъ XVII в. Именно французскій классицизмъ былъ для Пушкина школой основныхъ литературныхъ понятій, во многомъ опредѣлившей его литературное міровоззрѣніе. Литературныя теоріи Буало, трагедіи Корнеля и Расина, комедіи Мольера оставили глубокій слѣдъ въ литературномъ воспитаніи Пушкина. По сравненію съ французскимъ классицизмомъ, вліяніе легкой анакреонтической поэзіи, хотя и богато представленной въ лирикѣ лицейской поры, все-же не имѣло для Пушкина органическаго значенія. Французскому-же раннему романтизму Пушкинъ былъ еще болѣе чуждъ, а во многомъ прямо враждебенъ. Скорѣе идеологическіе мотивы, чѣмъ чисто формально-литературные, привели Пушкина къ Байрону. Вольнолюбивыя мечты юности встрѣтили въ творчествѣ англійскаго поэта богатую пищу. На почвѣ формальной, развѣ только въ поискахъ большой поэтической формы, сохраняющей лирическое напряженіе, встрѣтились пути Пушкина и Байрона. Но съ отходомъ отъ свободомыслія юношескихъ лѣтъ, начиная съ пол. 20-ыхъ гг., Пушкинъ постепенно отходитъ отъ Байрона, давая предпочтеніе т. н. озерной школѣ англійской поэзіи (Вордсвортъ, Кольриджъ, Соути). Еще позже интересъ къ историческому роману ведетъ Пушкина къ Вальтеръ Скотту, а въ своемъ отрицаніи основъ классической драмы онъ опирается прямо на Шекспира. Въ литературѣ англійской и нѣмецкой, главнымъ образомъ въ Шекспирѣ и Гете, Пушкинъ ищетъ опоры въ своемъ отталкиваніи отъ современной ему французской литературы. Въ отношеніи къ европейскимъ литературнымъ школамъ и теченіямъ Пушкинъ сохранялъ большую самостоятельность. Онъ вообще считалъ, что однимъ изъ преимуществъ Россіи является ея «право на судъ» Европы. Въ одной изъ своихъ замѣтокъ онъ писалъ: «Россія по своему положенію географическому, политическому etc., есть судилище, приказъ Европы. Nous sommes les grands jugeurs.

Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій касательно того, что дѣлается не у насъ, удивительны». Проф. П. Н. Сакулинъ въ такихъ словахъ оцѣниваетъ позицію Пушкина въ отношеніи къ разнымъ европейскимъ литературнымъ школамъ: «Ни на минуту не утрачивая своей исключительной самобытности, свойственной всякому генію, Пушкинъ чутко и глубоко переживалъ весь ходъ современной ему литературы. Критически и свободно относился онъ къ каждому стилю, стараясь взять изъ него все, что считалъ цѣннымъ. Никакой догмѣ не давалъ онъ покорить себя до конца... Пушкинъ прошелъ черезъ всѣ главныя стили и остался самимъ собою».*) Свое отношеніе къ литературнымъ школамъ Пушкинъ прекрасно выразилъ въ одной замѣткѣ 1827 г.: «Всѣ парнасскія секты, писалъ онъ, для меня равны, представляя каждая свои выгоды и невыгоды. Ужели невозможно быть истиннымъ поэтомъ, не будучи ни закоснѣлымъ классикомъ, ни фанатическимъ романтикомъ? Формы, обряды должны-ли непремѣнно порабощать литературную совѣсть?»

Было-бы неправильно видѣть въ такомъ отношеніи Пушкина къ вопросамъ стиля эклектизмъ. Надо ближе присмотрѣться къ его позиціи въ русскихъ литературныхъ спорахъ его времени, чтобы убѣдиться, съ какой исключительной геніальностью Пушкинъ синтетически разрѣшилъ проблемы, стоявшія передъ русской литературой 20-хъ — 30-хъ годовъ XIX вѣка.

Пушкину пришлось выступить на литературное поприще въ очень оживленную эпоху русской литературной жизни. XVIII вѣкъ, давшій устойчивыя литературныя формы и классическіе образцы русской драмы и поэзіи «высокаго стиля», закрѣпилъ свою практику и въ законченной теоріи литературнаго языка. На традиціяхъ Ломоносова и Державина держалось еще все школьное преподаваніе русской литературы. Но живая литературная дѣйствительность уже въ го-

*) П. Сакулинъ. Пушкинъ въ [illegible]торіи русской литературной жизни» въ Полн. собр. соч. [illegible]ушкина, Т. II, изд. Гихл. 1931 г., стр. 19.

ды юности Пушкина перешагнула далеко за ломоносовско-державинскія традиціи. Шла оживленная литературная борьба между отдѣльными литературными группировками и партіями, не всегда укладывавшимися въ привычныя литературныя термины. Понятія «романтизма» и «классицизма» на русской почвѣ слишкомъ неопредѣленны, чтобы ими выразить сущность борьбы литературныхъ теченій того времени. Новѣйшіе русскіе изслѣдователи пользуются терминами «архаисты» и «новаторы», ближе отвѣчающими сущности разногласій основныхъ литературныхъ школъ пушкинской поры.

Связывая ихъ съ именами наиболѣе яркихъ представителей этихъ теченій, можно также пользоваться болѣе привычными опредѣленіями «шишковисты» (отъ имени адмирала А. С. Шишкова, возглавлявшаго объединеніе сторонниковъ архаистическаго теченія) и «карамзинисты» (отъ имени Н. М. Карамзина, наиболѣе яркаго представителя новаторскаго теченія). Трудно въ короткой статьѣ дать представленіе о напряженной и часто весьма острой борьбѣ, которая шла между этими школами. Она питалась не только теоретическими разногласіями по вопросамъ поэтическаго языка и литературнаго стиля, но отражала и глубокіе сдвиги, происшедшіе въ русской общественной жизни. Главный споръ шелъ вокругъ вопроса о литературномъ языкѣ. Архаисты настаивали на большей связи съ ломоносовской традиціей, при чемъ выдвигали роль церковно-славянской стихіи въ литературномъ языкѣ. Новаторы, опираясь на литературную практику Карамзина и его школы, стремились къ освобожденію языка отъ стѣснительнаго канона «трехъ стилей», введеннаго Ломоносовымъ, и стояли за обновленіе языка новообразованіями, поскольку они были необходимы для дальнѣйшаго литературнаго развитія. Обѣ группировки имѣли свои литературныя общества: первое — «Бесѣду любителей русскаго слова», второе — «Арзамасъ». Горячая полемика между обоими теченіями въ значительной мѣрѣ заполняла литературную жизнь второго десятилѣтія XIX в. Съ точки зрѣнія литературнаго развитія, теченіе «архаистовъ» бы-

ло охранительно-реакціоннымъ, тормозившимъ дальнѣйшій ростъ литературы; теченіе «новаторовъ» было въ данной обстановкѣ литературно-прогрессивнымъ, идущимъ по пути дальнѣйшаго роста русской литературы и расширенія ея соціальной базы.

Пушкину съ юношескихъ лѣтъ была чужда ломоносовско-державинская традиція. Онъ въ началѣ почти инстинктивно примкнулъ къ литературной практикѣ карамзинистовъ, и лицейскій періодъ его дѣятельности особенно любопытенъ тѣмъ, какъ онъ культивируетъ жанръ малой поэтической формы, какъ онъ снимаетъ съ поэзіи путы архаистическаго канона. Въ своей борьбѣ противъ стѣснительныхъ формъ русскаго классицизма Пушкинъ опирался не только на французскую «легкую» поэзію конца XVIII — нач. XIX в., но и на значительныя достиженія на этомъ пути русской литературы, въ лицѣ Н. М. Карамзина, В. А. Жуковскаго, К. Н. Батюшкова и др. Избраніе Пушкина членомъ «Арзамаса» показываетъ, что у его старшихъ современниковъ не было сомнѣнія въ томъ, что въ лицѣ Пушкина они пріобрѣтаютъ союзника въ борьбѣ противъ литературнаго консерватизма. И они не ошиблись — Пушкинъ со всѣмъ пыломъ молодости и страстностью своей натуры бросается въ борьбу противъ сторонниковъ «Бесѣды».

Однако, вскорѣ обнаружилось, что разстановка литературно-общественныхъ силъ сложнѣе, чѣмъ могло казаться на первый взглядъ. Среди «архаистовъ» оказались не только представители охранительно-реакціоннаго склада, вродѣ А. С. Шишкова, но и писатели, роль которыхъ въ литературѣ и въ общественной жизни никакъ нельзя было отнести въ эту категорію. Достаточно назвать хотя бы А. С. Грибоѣдова, автора комедіи «Горе отъ ума», или будущаго декабриста В. Кюхельбекера. Съ другой стороны, все отчетливѣе становилось, что литературно и общественно-прогрессивное значеніе школы «карамзинистовъ» постепенно вывѣтривается и принимаетъ застывшія формы мечтательно-сентиментальнаго стиля, подъ защитой котораго укрывается часто весьма реакціонная сущность. Такимъ образомъ, среди «млад-

шихъ архаистовъ» и въ чисто литературномъ планѣ обнаруживаются черты, которыя могли быть использованы въ борьбѣ противъ регрессивныхъ тенденцій т. н. новаторства. Юр. Тыняновъ, первый вскрывшій сложность процесса литературнаго развитія нач. XIX в., такъ опредѣляетъ новую позицію «архаистовъ»: «Борьба архаистовъ была направлена противъ эстетизма, сглаженности, маньеризма и камернаго стиля карамзинистовъ — за своеобразіе литературныхъ діалектовъ (при чемъ лексика высокаго должна была преимущественно черпаться изъ церковно-славянскаго языка, а средняго — изъ народныхъ пѣсенъ, resp. просторѣчія), а эта борьба была естественно связана съ борьбой за большія формы и декламаціонный ораторскій стиль.*) Пушкинъ, въ началѣ стоявшій всецѣло на позиціи «карамзинистовъ», постепенно начинаетъ отъ нея отходить и создавать свою поэтику, которая впитываетъ въ себя прогрессивные элементы обоихъ теченій. При этомъ для Пушкина опредѣляющимъ моментомъ былъ путь къ реализму, который все отчетливѣе и отчетливѣе намѣчался въ его творчествѣ. Точность, ясность и простота языка становятся для Пушкина критеріемъ художественности. «Прелесть нагой простоты», писалъ онъ въ 1828 г., такъ еще для насъ непонятна, что даже и въ прозѣ мы гоняемся еще за обветшалыми украшеніями, поэзію же, освобожденную отъ условныхъ украшеній стихотворства, мы еще не понимаемъ». Въ этой борьбѣ съ «эстетизмомъ» языка Пушкинъ все больше склоняется къ прозѣ, гдѣ онъ стремится на практикѣ доказать свое убѣжденіе, что «точность и краткость — вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей, безъ нихъ блестящія выраженія ни къ чему не служатъ — стихи дѣло другое...» Такъ Пушкинъ, не примыкая вполнѣ ни къ одной литературной школѣ своего времени, бралъ у каждой тѣ элементы, которые вели къ синтетическому построенію собственнаго сти-

*) См. ст. «Архаисты и Пушкинъ» въ сборн. «Пушкинъ въ міровой литературѣ». Лен. 1926, стр. 224—225 или сборн. ст. Ю. Тынянова»: «Архаисты и новаторы». 1929.

ля. «Никто изъ писателей его эпохи, говоритъ П. Н. Сакулинъ, не разрѣшилъ съ такой синтетической полнотой и съ такой художественной силой очередныхъ задачъ литературы, как именно Пушкинъ. Самымъ внимательнымъ образомъ слѣдилъ онъ за тѣмъ, что совершалось тогда въ литературной жизни. Всегда и вездѣ онъ — на передовыхъ позиціяхъ. Обо всемъ высказывалъ онъ вѣскія сужденія какъ писатель, который отдаетъ себѣ полный отчетъ въ теоретическихъ принципахъ творчества. Статьи и критическія замѣтки, письма Пушкина содержатъ цѣлую поэтику». Но еще болѣе убѣдительна пушкинская практика. Его поэзія и проза, все болѣе освобождаясь отъ стилистическихъ украшеній, достигаютъ той предѣльной выразительности и художественной точности, которая поистинѣ заслуживаетъ наименованія «классицизма». И въ этомъ онъ остается образцомъ и донынѣ не только для литературы русской, но и міровой.

3. Пушкинъ въ потомствѣ

Едва-ли не въ пушкинскомъ «классицизмѣ» надо видѣть причину того, что при всемъ признаніи его геніальности, даже культѣ его имени въ Россіи, Пушкинъ до извѣстной мѣры одинокъ въ русской литературѣ. Уже въ смѣняющемся отношеніи къ нему критики можно видѣть, какъ еще не устоялась даже въ Россіи его слава. Въ этомъ есть своя положительная сторона: Пушкинъ остается до сихъ поръ дѣйственнымъ литературнымъ фактомъ, вокругъ него то и дѣло разгорается литературная борьба, и послѣ каждаго такого «пересмотра» его наслѣдія, онъ выходитъ побѣдителемъ. Такъ было при его жизни, когда онъ находился въ центрѣ литературной борьбы, такъ было и послѣ его смерти. Извѣстно, какъ рѣзко выступили противъ Пушкина «шестидесятники», во главѣ съ Писаревымъ, какъ тогда, въ періодъ формированія боевого позитивизма, послѣдователи Чернышевскаго и Добролюбова не могли примириться съ тѣмъ, что Пушкинъ служилъ яко-бы только искусству, не думая о благѣ человѣчества. За прозрачною ясно-

стью пушкинскаго стиха они не видѣли той глубины, которая хранила въ себѣ большія общечеловѣческія цѣнности. Пушкинъ больше, чѣмъ кто-либо другой, сдѣлалъ для расширенія соціальной базы русской литературы, и было большой несправедливостью со стороны пришедшихъ въ литературу «разночинцевъ», представителей новаго соціальнаго слоя, видѣть въ Пушкинѣ только эстетствующаго барина. Самъ Пушкинъ со свойственной ему наблюдательностью очень рано подмѣтилъ соціальную перегруппировку въ русской литературѣ, и уже въ 1834 г. писалъ: «Наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Несмотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важный признакъ и непремѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія». Однимъ изъ этихъ послѣдствій была попытка развѣнчать Пушкина, противопоставивъ ему Гоголя и такъ наз. «натуральную школу». Гражданская поэзія Некрасова, отвѣчавшая запросамъ времени, казалась едва-ли не выше поэзіи Пушкина. Съ теченіемъ времени, слава Пушкина утвердилась, и, казалось, 1880 г., когда вся Россія безъ различія направленій собралась у подножія вновь открытаго памятника Пушкину въ Москвѣ, окончательно утвердилъ его признаніе. Но новая волна соціальныхъ потрясеній привела къ переоцѣнкѣ всѣхъ установившихся цѣнностей, и на этотъ разъ изъ рядовъ футуристовъ раздался призывъ сбросить Пушкина «за бортъ корабля современности» (Маяковскій). Пушкинъ сталъ снова живымъ литературнымъ фактомъ, вокругъ котораго кипѣла литературная борьба. И въ этой борьбѣ онъ не только устоялъ, но вознесся еще выше. Въ настоящее время, къ столѣтнему юбилею со дня его смерти, культъ Пушкина въ Россіи достигъ небывалаго размѣра. Но къ счастью, это не культъ классика, сданнаго въ архивъ вѣчности, а знамя литературнаго движенія, вокругъ котораго вновь возникаетъ борьба. Въ этомъ отношеніи весьма показательно выступленіе Д. Мирскаго, въ ко-

торомъ право Пушкина на міровое значеніе вновь берется подъ сомнѣніе.*)

Именно въ томъ, что Пушкинъ остается и спустя сто лѣтъ послѣ своей смерти живымъ литературнымъ явленіемъ, вокругъ котораго вновь и вновь закипаетъ споръ, величайшее доказательство его геніальности.

Единодушно было, въ отличіе отъ критики, отношеніе русскихъ писателей къ Пушкину. На трагическую смерть Пушкина его младшій современникъ, М. Ю. Лермонтовъ отозвался памятнымъ стихотвореніемъ «Смерть поэта». Гоголю принадлежатъ замѣчательныя слова о Пушкинѣ: «Пушкинъ явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ сто лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой-же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла...» (1834). Узнавъ о смерти Пушкина, тотъже Гоголь писалъ: «Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ... Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, — мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему... О, Пушкинъ, Пушкинъ! Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе... Боже, какъ странно, Россія безъ Пушкина...» Тургеневъ сказалъ о Пушкинѣ: «онъ создалъ нашъ поэтическій, нашъ литературный языкъ, и намъ и нашимъ потомкамъ остается только идти по пути, проложенному его геніемъ» (1880 г.). Достоевскій въ своей исторической рѣчи о Пушкинѣ утверждалъ, что «не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью, какъ Пушкинъ». «И не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, продолжаетъ онъ, а въ изумляющей глубинѣ ея,

*) См. статью «Проблема Пушкина» въ сборникѣ «Литературное Наслѣдство», кн. XVI—XVIII (1934), стр. 91—112.

а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти чудесномъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось» (1880 г.). Л. Н. Толстой, перечитывая въ 1874 году Пушкина, писалъ: «я съ восторгомъ, давно уже мною не испытываемымъ, читалъ это послѣднее время повѣсти Бѣлкина, въ седьмой разъ въ моей жизни. Писателю надо, не переставая, изучать это сокровище», а уже на склонѣ своей жизни онъ такъ отзывался о «Пиковой Дамѣ»: «...это chef d'oeuvre Такъ умѣренно, вѣрно, скромными средствами, ничего лишняго. Удивительно, чудесно!» Наконецъ, чтобы перейти къ современности, Максимъ Горькій отнесъ Пушкина къ тѣмъ исключительнымъ, радостнымъ явленіямъ, которыя «воплощаютъ духъ народа съ наибольшей красотой, силой и полностью» (1912).

Не менѣе показательна судьба Пушкина въ Европѣ. Уже при жизни Пушкина слава его переступала предѣлы его родины. Среди нѣмцевъ онъ нашелъ поклонника въ лицѣ Фарнгагена фонъ Энзе. «У рѣдкаго поэта, писалъ онъ, встрѣчается менѣе слѣдовъ изысканности, любовныхъ отступленій, безполезныхъ разсужденій, его естественность довольствуется самымъ простымъ словомъ, быстро схватываетъ и оставляетъ каждый предметъ; его пылкое воображеніе, исполненное искренности и величія, его то нѣжныя, то ѣдкія остроты, все соединяется къ тому, чтобы произвесть пріятное, благотворное впечатлѣніе на читателя, всегда заинтересованного и всегда свободнаго, никогда не терзаемаго» (1837). Французскій писатель Просперъ Меримэ высоко ставилъ его дарованіе. «Если надо въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить характеръ поэмъ Пушкина, говоритъ онъ, слѣдуетъ отмѣтить простоту композиціи, скупость деталей, а главное исключительный тактъ, съ которымъ онъ ихъ выбираетъ. Такова же и его лирика, заслуживающая, можетъ быть, болѣе всего нашего удивленія» (1868).

Но это были одиночки. Въ Европѣ Пушкинъ, извѣстный по имени, въ живой литературной жизни роли не игралъ. Я не говорю, конечно, о странахъ славянскихъ. Здѣсь судьба Пушкина была сложнѣе, я

не имѣю возможности подробнѣе на ней останавливаться. Приведу только оцѣнку роли Пушкина въ болгарской литературѣ, сдѣланную извѣстнымъ современнымъ болгарскимъ поэтомъ, Кирилломъ Христовымъ. «Эпоха Пушкина, говоритъ онъ, совпадаетъ со временемъ роста болгарскаго возрожденія. Безъ Пушкина и безъ расцвѣта русской поэзіи, имъ обусловленнаго, развитіе новой болгарской поэзіи навѣрно не было-бы такъ успѣшно и такъ быстро. И хотя нельзя указать на слѣды вліянія Пушкина въ узкомъ смыслѣ этого слова, однако всѣ болгарскіе поэты, отъ старшихъ до самыхъ младшихъ пропитаны духомъ русской поэзіи и, конечно, прежде всего поэзіи Пушкина и тѣхъ, кто едва-ли представимы въ своемъ полномъ развитіи безъ него».*)

На пути проникновенію Пушкина на Западъ стояло прежде всего отсутствіе переводовъ, которые могли-бы дать надлежащее представленіе о его геніальности. Тутъ снова сыграла свою роль «классичность» пушкинскаго стиля, именно въ ней заключалась главная трудность перевода. Нужно было исключительное проникновеніе въ творчество Пушкина, нужно было превосходное знаніе не только русскаго литературнаго языка, но и большое мастерство въ передачѣ Пушкина на чужой языкъ, чтобы дать представленіе о глубокомъ внутреннемъ содержаніи творчества Пушкина, скрытомъ за «нагой простотой» его стиля. Только послѣдніе годы принесли въ отношеніи къ Пушкину въ Европѣ извѣстный поворотъ. Почти всюду появляются новые переводы, приблизившіе Пушкина къ литературѣ современной, почти всюду Пушкинъ находитъ признаніе со стороны наиболѣе выдающихся писателей современности. Такіе шедевры, какъ «Пиковая Дама», только теперь находятъ должную оцѣнку, а исключительныя по сгущенности содержанія и сжатости формы «маленькія трагедіи» привлекаютъ къ себѣ все больше вниманіе. Пушкинъ перестаетъ быть только авторомъ «Евгенія Онѣгина», а начинаетъ восприни-

*) Этотъ отзывъ Кирилла Христова печатается, съ его разрѣшенія, впервые.

маться во всей своей писательской разносторонности и сложности. Такъ и въ Европѣ столѣтній юбилей Пушкина не является подведеніемъ итоговъ, а становится стимуломъ новаго изученія и живого освоенія пушкинскаго наслѣдія. Наука о Пушкинѣ, сдѣлавшая такіе успѣхи въ Россіи, постепенно захватываетъ и Европу, гдѣ все чаще появляются спеціальныя работы о немъ. Убѣжденіе русскихъ, что «для Россіи Пушкинъ то же, что Данте — для Италіи, Шекспиръ — для Англіи, Гете — для Германіи» (П. Сакулинъ), сейчасъ съ полнымъ правомъ можетъ быть формулировано болѣе точно: Пушкинъ для міра стоитъ въ ряду такихъ писателей, какъ Данте, Шекспиръ и Гете.

Міровое значеніе Пушкина

Нѣтъ болѣе благодарной и заманчивой задачи въ дни столѣтняго юбилея Пушкина, чѣмъ поставить вопросъ о значеніи Пушкина не только для литературы русской, не только для литературъ славянскихъ, но и для литературы міровой. Культъ Пушкина въ Россіи огроменъ. Онъ вытекаетъ изъ убѣжденія, что Пушкинъ — безспорный геній, одинъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества. На чемъ же зиждется это убѣжденіе въ міровомъ значеніи Пушкина? Можно ли для него найти объективныя доказательства?

Явленіе Пушкина — чудо. Я думаю, въ русской литературѣ мы дважды встрѣчаемся съ явленіемъ подлиннаго чуда. Это — «Слово о полку Игоревѣ» и Пушкинъ. Сколько-бы изслѣдователи ни работали надъ объясненіемъ этихъ двухъ чудесъ русской литературы, объяснить ихъ во всей ихъ единственности и законченности никогда не удастся. Конечно, историкъ литературы знаетъ, какъ тѣсно связанъ Пушкинъ со своимъ временемъ, какъ онъ выросъ на своихъ предшественникахъ, какъ вросъ онъ въ литературную среду своего времени, какъ, наконецъ, онъ обязанъ многимъ литературѣ европейской. Но, за вычетомъ всего этого, все же остается его «чудесное» перерастаніе своего времени, тотъ скачекъ въ будущее, который былъ сдѣланъ имъ однимъ и который повлекъ за собой такой же скачекъ всей русской литературы.

Мы обыкновенно уже не замѣчаемъ этого «чуда» явленія Пушкина, ибо оно стало воздухомъ, которымъ мы дышимъ. Но попробуйте на одну минуту воскресить въ памяти общее состояніе русской культуры и литературы, на которыхъ выросъ Пушкинъ, и станетъ невѣроятнымъ, что между первыми годами его

литературной дѣятельности и его смертью лежатъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ. Выросшій на традиціяхъ русскаго XVIII-го вѣка и французскомъ классицизмѣ, онъ отдаетъ имъ свою поэтическую дань въ молодости. Вѣдь еще въ 1815 году передъ Державинымъ Пушкинъ читалъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», которыя начинались ложно-торжественными строками:

«Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ...»

Быстро преодолѣваетъ Пушкинъ соблазнъ легкой анакреонтической музы и шутя вступаетъ въ соревнованіе съ изящнымъ и легкомысленнымъ Парни. Среди своихъ современниковъ-поэтовъ онъ, еще юношей, чувствуетъ себя равнымъ и въ литературныхъ спорахъ и бояхъ выступаетъ часто застрѣльщикомъ. Уже въ 1816 году въ его творчествѣ преломляется жизненный опытъ и оформляется въ чисто пушкинскія строки:

«Медлительно влекутся дни мои
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ...»

(„Желаніе“).

Пушкинъ рано осозналъ, что его жизненный путь связанъ съ творчествомъ, что внѣ литературы ему не жить. «Благослови поэтъ!», обращается онъ къ В. А. Жуковскому, своему старшему соратнику по музѣ, и добавляетъ:

«... Въ тѣни парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мой удѣлъ...».

(„Къ Жуковскому“, 1816).

Безтрепетно вступилъ Пушкинъ на опасную тропу русской литературы и пошелъ по ней до конца. Его здѣсь поджидала гибель, но посмертная слава вѣнчала его горестный и тяжкій путь. Отдавъ поэти-

ческую дань годамъ Отечественной славы 1812 года, онъ со всѣмъ пыломъ молодости и порывомъ идеализма отдался вольнолюбивымъ мечтамъ своего поколѣнія. Но и эти мечты о вольности сливались у него съ сознаніемъ долга передъ родиной:

«Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы».

(„Къ Чаадаеву", 1818).

За «прекрасные порывы» души Пушкинъ понесъ тяжелую расплату. Высылка на югъ открываетъ новую полосу его жизни, и собственно 1820-й годъ, столь знаменательный въ личной жизни Пушкина, вскрываетъ передъ нами подлинные размѣры его таланта. Лирика Пушкина этого года, среди которой имѣются такія жемчужины, какъ элегія «Увы, зачѣмъ она блистаетъ...», «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда...», уже можетъ быть поставлена въ рядъ съ лучшими образцами міровой лирики. Достаточно здѣсь привести, какъ доказательство, шестистишіе «Нереида», чтобы это утвержденіе оправдалось въ полной мѣрѣ:

«Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду,
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.»

По формальному своему совершенству, по удивительной сконцентрированности и единству поэтическаго настроенія и пластичности — это стихотвореніе является подлиннымъ шедевромъ.

Въ это время Пушкинъ приходитъ въ соприкосновеніе съ поэзіей Байрона и на время, какъ будто бы, подпадаетъ подъ его мощное вліяніе. Но, посмотрите, съ какою легкостью онъ его преодолѣваетъ, какъ быстро выходитъ за предѣлы поставленныхъ имъ темъ и сюжетовъ, какъ убѣдительно вскрываетъ лживость романтической позы и пустого самовлюбленнаго индивидуализма. При всей незрѣлости «Цы-

ганъ», сколько въ нихъ внутренней правды и своеобразной глубины! Недаромъ Достоевскій видѣлъ въ героѣ «Цыганъ», въ Алеко, родоначальника «русскихъ бездомныхъ скитальцевъ», которымъ суждено было потомъ занять такое видное положеніе въ русской литературѣ. Но Пушкину удалось въ эти годы въ своемъ «Демонѣ» (1823) выразить съ исключительною поэтическою силою власть надъ человѣкомъ духа «отрицанія и сомнѣнія». Я думаю, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ міровой литературѣ «Демонъ» Пушкина долженъ занять по праву одно изъ первыхъ мѣстъ среди произведеній, въ которыхъ мефистофельское начало нашло свое художественное выраженіе. И что особенно надлежитъ подчеркнуть, это — силу отстраненія «демоническаго» начала, обособленія души отъ него, какъ чего-то ей чуждаго, извнѣ пришедшаго, ей враждебнаго и гибельнаго. Соблазнительность демона и его одновременная чуждость выражены здѣсь съ предѣльною силою.*) Не подлежитъ сомнѣнію, что въ своемъ «Демонѣ» Пушкинъ посчитался уже не только съ Байрономъ, но и съ великимъ Гете, котораго онъ зналъ лучше и глубже, чѣмъ это обычно предполагаютъ.

Широкая образованость и большая начитанность Пушкина извѣстны. Онъ всегда отличался жадностью къ знанію и отдавалъ очень много времени для расширенія своего умственнаго кругозора. Эта жажда къ знанію прекрасно выражена имъ въ посланіи къ «Чаадаеву» (1821):

«Въ уединеніи мой своенравный геній
Познавалъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...»

Пушкинъ былъ не только геніально одареннымъ поэтомъ, но и обладалъ совершенно исключитель-

*) «Демону» съ художественной стороны посвящена моя статья «Лирическая дерзость» въ журналѣ „Slavia“, т. IV, стр. 762—767.

нымъ умомъ. Императоръ Николай I былъ правъ въ своей оцѣнкѣ, если только вѣрны приписываемыя ему слова послѣ разговора съ Пушкинымъ: «Я нынче говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ Россіи». Свидѣтельства выдающихся современниковъ Пушкина подтверждаютъ вполнѣ эту оцѣнку. Мицкевичъ писалъ, что Пушкинъ былъ одаренъ «сужденіемъ вѣрнымъ, вкусомъ утонченнымъ и превосходнымъ». Кн. П. А. Вяземскій, обладавшій незауряднымъ критическимъ чутьемъ, говорилъ о Пушкинѣ: «судъ его былъ для меня многозначителенъ и дорогъ». Поэтъ В. А. Жуковскій поправлялъ всякій разъ стихъ, который не удерживался въ памяти Пушкина.

Широкая образованность Пушкина и разносторонность его интересовъ поражаетъ всякаго, кто читаетъ его письма, замѣтки и произведенія. «Достаточно было посмотрѣть сочиненія Пушкина, чтобы отмѣтить, что въ его стихахъ, повѣстяхъ, драмахъ отразились едва-ли не всѣ страны и эпохи, по крайней мѣрѣ связанныя съ современной культурой», говоритъ большой знатокъ Пушкина и самъ всесторонне образованный человѣкъ, Вал. Брюсовъ. Обыкновенно говорится объ исключительной образованности Гете. Но если принять во вниманіе, что Пушкину было дано только двадцать пять лѣтъ творческой жизни, въ то время какъ веймарскому мудрецу судьба отвела цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ, то Пушкинъ, пожалуй, выдержитъ сравненіе съ геніальнымъ Гете. Во всякомъ случаѣ, знаніе Пушкинымъ современной ему литературы было исключительнымъ. Во французской литературѣ онъ былъ какъ дома. Это давало ему возможность относиться къ ней критически и во многомъ противопоставлять ей литературу англійскую и нѣмецкую. Зналъ онъ и литературу итальянскую, обращался и къ литературѣ «гишпанской». Интересовалъ его и міръ классическій и литература Востока. «Въ исторіи русской литературы XIX вѣка, говоритъ одинъ изъ его изслѣдователей, нѣтъ другого примѣра такой интенсив-

ной, такой глубокой переработки и универсальнаго освоенія наслѣдія міровой литературы».*)

Именно въ силу этого такое наслажденіе доставляетъ чтеніе пушкинскихъ писемъ и въ особенности его критическихъ статей и замѣтокъ. Въ нихъ поражаетъ не только мѣткость оцѣнокъ, но и исключительная дальнозоркость. Ему, напримѣръ, принадлежатъ замѣчательныя слова о критикѣ В. Г. Бѣлинскомъ: «Онъ обличаетъ талантъ, подающій большую надежду. Если бы съ независимостью мнѣнія и остроуміемъ своимъ соединялъ онъ болѣе учености, болѣе начитанности, болѣе уваженія къ преданію, болѣе осмотрительности, словомъ, болѣе зрѣлости, то мы бы имѣли въ немъ критика весьма замѣчательнаго». Едва ли кто будетъ отрицать, что эта оцѣнка, сдѣланная въ 1836 году, представляетъ доказательство совершенно исключительной дальнозоркости Пушкина. Онъ сразу и безошибочно оцѣнилъ значеніе «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» Гоголя. «Они изумили меня... какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился...» (1831), писалъ онъ А. Ф. Воейкову подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ чтенія ихъ. Въ своихъ отзывахъ о крупнѣйшихъ явленіяхъ человѣческаго духа, какъ Шекспиръ, Гете, Байронъ, онъ такъ же независимъ и глубокъ, какъ и въ сужденіяхъ о близкой ему отечественной литературѣ. Отдѣльныя его опредѣленія такъ мѣтки и содержательны, что невольно запоминаются на всю жизнь. Его противопоставленіе «вдохновенія» и «восторга» въ замѣткѣ по поводу статьи В. Кюхельбекера «О направленіи нашей поэзіи» (1826) неоднократно привлекало къ себѣ вниманіе теоретиковъ искусства. Мы только напомнимъ его здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ. «Вдохновеніе, говоритъ Пушкинъ, есть расположеніе души къ живому принятію впечатлѣній, слѣдственно, къ быстрому соображенію понятій, что и способствуетъ объясненію

*) См. *Н. Богословскій.* «Обзоръ критическихъ высказываній Пушкина» въ кн. «Пушкинъ о литературѣ». М.-Л., изд. «Академія». 1934, стр. XI.

оныхъ. Вдохновеніе нужно въ поэзіи, какъ и въ геометріи». Вдохновенію Пушкинъ противополагаетъ «восторгъ», который онъ опредѣляетъ какъ «напряженное состояніе единаго воображенія». «Восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающей частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдственно, не въ силѣ произвесть истинно великое совершенство (безъ котораго нѣтъ лирической поэзіи)». Не менѣе примѣчательны его замѣчанія о критикѣ: «Критика — наука открывать красоты и недостатки въ произведеніяхъ искусствъ и литературы. Она основана 1) на совершенномъ знаніи правилъ, коими руководствуется художникъ или писатель въ своихъ произведеніяхъ, 2) на глубокомъ изученіи образцовъ и на дѣятельномъ наблюденіи современныхъ замѣчательныхъ явленій». Приведу еще нѣсколько строкъ Пушкина о прозѣ: «Точность и краткость — вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей — безъ нихъ блестящія выраженія ни къ чему не служатъ».

Повторяю, критическія статьи и замѣтки Пушкина одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ міровой литературы. И она является неоспоримымъ доказательствомъ того, что онъ, дѣйствительно, былъ въ просвѣщеніи «съ вѣкомъ наравнѣ».

На отношеніи Пушкина къ Гете это особенно ярко видно. «Великій Гете», міровая слава котораго ставила его, казалось бы, на недосягаемую высоту, вызывала въ Пушкинѣ преклоненіе, но не ослѣпляла его. «Фаустъ», это «величайшее созданіе поэтическаго духа», по словамъ Пушкина, вызвалъ въ немъ желаніе по своему осмыслить проблему титанизма, и онъ въ 1825 г. пишетъ свою «Новую сцену изъ Фауста». Геніальность Пушкина заключалась въ томъ, что онъ, зная только первую часть трагедіи Гете, какъ-бы усмотрѣлъ незавершенность гетевскаго замысла, увидѣлъ возможность по иному истолковать образъ Фауста, повести его не путемъ воскресенія, а путемъ

окончательной гибели. И «трагедія» Гретхенъ, которая является у Гете только звеномъ въ восхожденіи Фауста къ послѣднимъ вершинамъ духовнаго просвѣтленія, эта же трагедія, Пушкинымъ подразумѣваемая, знаменуетъ для него послѣднее и безвозвратное крушеніе Фауста. Для Пушкина вопросъ шелъ о величайшемъ искушеніи: принятіи и оправданіи жертвы чужой личностью, даже больше — чужой жизнью для удовлетворенія своего ненасытнаго духа. Кстати, въ такомъ пониманіи «Фауста» онъ сходится съ Т. Г. Масарикомъ, который проблемѣ титанизма посвятилъ рядъ интереснѣйшихъ статей.*) Это была та-же фаустовская проблема, но по иному поставленная и требовавшая иного художественнаго разрѣшенія. Фаустъ, перешагнувшій черезъ гибель Гретхенъ, былъ для Пушкина духовно мертвъ и ничего, кромѣ безсмысленнаго опустошенія вокругъ себя, на его долю не оставалось. Бѣсъ скуки и разочарованія вселился въ него и овладѣлъ имъ. Онъ услужливо подсовываетъ ему въ минуту раздраженія новую, безсмысленную и нелѣпую жертву. «Испанскій корабль съ людьми и грузомъ» долженъ погибнуть не во имя восхожденія къ новымъ цѣнностямъ, а во имя каприза скучающаго и внутренне опустошеннаго титана. Пушкинъ смѣло вступилъ въ художественную полемику съ Гете и своей «Сценой изъ Фауста» вписалъ достойную страницу въ литературную исторію фаустовскаго образа. Въ этомъ художественномъ спорѣ Пушкинъ себя чувствовалъ съ Гете, какъ равный съ равнымъ. Символическимъ признаніемъ этого была посылка Гете черезъ В. А. Жуковскаго своего пера Пушкину. И недаромъ Пушкинъ такъ гордился подаркомъ великаго нѣмецкаго поэта.

Въ прямой связи съ Гете стоитъ и пушкинская объективная лирика, его стихи, въ которыхъ онъ даетъ поэтически-философское осмысленіе жизни. Извѣстная «Телѣга жизни» («Хоть тяжело подчасъ въ

*) См. „Moderní titanism“ въ журн. „Naše doba“ 1897—1898 г. г. Новое изданіе въ книгѣ „Moderní člověk a náboženství“. Praha, Jan Laichter. 1934, стр. 251—379.

ней бремя . . .», 1823), открывающая собою рядъ замѣчательныхъ поэтическихъ раздумій Пушкина надъ смысломъ жизни и судьбой человѣка, непосредственно связана съ гетевскимъ „An Vater Kronos“. А своимъ «Разговоромъ книгопродавца съ поэтомъ» (1824) онъ даетъ замѣчательную параллель къ гетевскому «Прологу на сценѣ». И еще разъ онъ встрѣтился съ Гете позже, въ своей геніальной «Пиковой Дамѣ», непревзойденному образцу пушкинской прозы, гдѣ снова проблема титанизма поставлена во всей ея значительности. Образомъ Германа открывается галлерея «русскихъ Фаустовъ», подхваченная затѣмъ Тургеневымъ и Достоевскимъ. Исторія Лизы — это русская постановка трагедіи Гретхенъ. То, что было намѣчено въ «Сценѣ изъ Фауста», здѣсь находитъ свое полное художественное воплощеніе. Германъ становится центральнымъ образомъ русской литературы. Черезъ Достоевскаго, Раскольниковъ котораго является непосредственнымъ наслѣдникомъ его, а затѣмъ и Андрея Бѣлаго (вѣдь, «Петербургъ» вышелъ изъ «Пиковой Дамы») воздѣйствіе Пушкина переходитъ непосредственно уже въ наше время, перекидываясь въ западную литературу. Только подлинно геніальному произведенію суждена такая долгая творческая жизнь.

Не менѣе знаменательна судьба «Мѣднаго Всадника» Пушкина. Развѣ «мѣдно-звонкое» скаканіе по пустыннымъ улицамъ Петербурга его коня не отозвалось вѣщимъ эхомъ во всей русской литературѣ? Петербургъ, этотъ, по словамъ Достоевскаго, самый фантастическій изъ всѣхъ городовъ въ мірѣ, съ геніальнаго почина Пушкина становится подлиннымъ героемъ русской литературы. Его мы видимъ и въ «Петербургскихъ повѣстяхъ» Гоголя, и въ романахъ-трагедіяхъ Достоевскаго и въ причудливомъ «Петербургѣ» Андрея Бѣлаго, чтобы затѣмъ снова встрѣтиться съ нимъ уже въ современной литературѣ у Вен. Каверина («Художникъ неизвѣстенъ») и у Ольги Форшъ («Сумасшедшій корабль»).

А «Евгеній Онѣгинъ», не даетъ ли одинъ онъ

права Пушкину на безсмертіе? Я не могъ бы назвать ни одного произведенія въ мірѣ, въ которомъ объективная сила реалистическаго романа такъ сочеталась съ субъективной лирикой. Вѣдь русскій реалистическій романъ, если хотите, имѣетъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» своего непосредственнаго родоначальника. Послѣ Пушкина, развѣ только еще Льву Толстому въ «Войнѣ и Мирѣ» удалось съ такой объективной художественною силой показать ростъ своихъ героевъ на страницахъ самого романа. А рядомъ съ этою объективной силой художественной изобразительности, какъ волнующе близокъ лиризмъ «Евгенія Онѣгина», какъ очаровательны внезапныя отступленія, сколько незабываемой прелести въ строфахъ, посвященныхъ русской природѣ! Конечно же, «Евгенію Онѣгину» мѣсто въ сокровищницѣ міровой поэзіи, и если до сихъ поръ его мало знаютъ и недостаточно цѣнятъ, то только потому, что до сихъ поръ нѣтъ такихъ переводовъ, которые могли бы передать европейскому читателю все его очарованіе.

Попутно Пушкинъ въ эти годы роняетъ такіе перлы своего творчества, какъ «Подражанія Корану», послѣдняя пьеса которыхъ такъ памятна удивительнымъ эпитетомъ «мгновенный старикъ» и тою бодрящею силой оптимизма, которою изрѣдка даруетъ насъ Пушкинъ:

«И горемъ объятый, мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.
И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ отправился въ путь.»

(*„И путникъ усталый...“*, 1816).

Кстати, напомню, что къ одной строчкѣ «Подражаній Корану» примыкаетъ вся философія Раскольникова. «Дрожащая тварь», которой Магометъ завѣщаетъ

проповѣдывать Коранъ, вѣдь это та «тварь», къ которой съ такимъ презрѣніемъ проникся Раскольниковъ, черезъ которую онъ готовъ перешагнуть, чтобы облагодѣтельствовать человѣчество.

Въ Михайловскомъ пути Пушкина перекрещиваются съ другимъ великимъ геніемъ человѣчества — съ Шекспиромъ. «Борисъ Годуновъ» открываетъ новую страницу въ его творчествѣ. Онъ смѣло набрасываетъ огромное историческое полотно, даетъ историческую «хронику» одной изъ самыхъ трагическихъ и захватывающихъ эпохъ русской исторіи. «Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ», писалъ Пушкинъ. Въ этомъ подражаніи онъ сохранилъ, однако, полную самостоятельность и увѣренность мастера. Одинъ незабываемый образъ Пимена говоритъ уже за то, что Шекспиръ далъ Пушкину только толчокъ къ объективной исторической драмѣ, что онъ толкнулъ его не на путь подражанія, а на путь соревнованія. Пушкинъ понялъ, что, можетъ быть, кромѣ исторіи Англіи, нигдѣ нѣтъ такого богатаго матеріала для исторической хроники въ духѣ Шекспира, какъ въ исторіи русской, что нигдѣ «трагедія характера» на фонѣ историческихъ событій не представляетъ столько возможностей для художника. Его Борисъ Годуновъ самъ по себѣ, какъ психологическій типъ, можетъ поспорить съ многими образами Шекспира, а только слегка очерченный образъ Лжедимитрія даетъ намеки на такіе глубокіе корни самозванства, что предвосхищаетъ уже во многомъ развитіе этой проблемы у Достоевскаго.

Обращеніе Пушкина къ историческимъ сюжетамъ привело его къ исторической повѣсти. «Арапъ Петра Великаго» былъ первымъ опытомъ Пушкина на этомъ поприщѣ. Въ 1833-34 г. г. онъ, одновременно съ «Исторіей Пугачевскаго бунта» пишетъ свою «Капитанскую дочку», которая вправѣ считаться родоначальницей русскаго историческаго романа. Здѣсь Пушкинъ даетъ образецъ «сказа», въ которомъ за повѣствованіемъ разсказчика не слышенъ голосъ автора; образецъ, въ которомъ Пушкинъ достигъ такого

совершенства въ написанныхъ раньше «Повѣстяхъ Бѣлкина» (1830).

Проза Пушкина обманчива своею простотой. Но по «Пиковой Дамѣ» (1833) мы уже знаемъ, что за этой простотою скрыта большая глубина и серьезность. Вспомните «Станцiоннаго Смотрителя», эту столь на первый взглядъ непритязательную исторiю о крушенiи родительскаго счастья. Послѣ статьи покойнаго М. Гершензона, мы знаемъ, какъ за этой столь наивно разсказанной исторiйкой скрывается глубокая мысль о разрушенiи собственнаго счастья отцомъ подъ влiянiемъ предразсудковъ и тяготѣнiя надъ нимъ условной морали.*) Позже, въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» разскажетъ ту же исторiю моральнаго конфликта между отцомъ и дочерью Достоевскiй, развернувъ ее въ двухъ планахъ жизненной трагедiи Нелли и Наташи, и тѣмъ самымъ снова покажетъ, какъ отъ Пушкина шло развитiе русской литературы, давшее всему мiру признанные образцы художественной прозы.

Пушкинъ не останавливался въ своемъ духовномъ ростѣ. Вступая въ полосу мужественной зрѣлости, онъ все чаще обращался къ своему прошлому и пытался осмыслить его. Трудно найти въ литературѣ болѣе просвѣтленное и овѣянное дымкою раздумчивой грусти прощанiе со своею молодостью, чѣмъ въ извѣстныхъ строкахъ 6-й пѣсни «Евгенiя Онѣгина»:

«... простимся дружно,
О, юность, легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары
Благодарю тебя. Тобою
Я насладился... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть...»

Эта нотка грусти и раздумья прочно входитъ въ творчество зрѣлыхъ лѣтъ Пушкина и ведетъ насъ къ та-

*) См. объ этомъ ниже, въ статьѣ «Болдинская осень».

кимъ исключительнымъ по силѣ философскаго обобщенія и поэтической глубинѣ пьесамъ, какъ «Три ключа» (1827), «Воспоминаніе» («Когда для смертнаго...», 1828), «Стансы» («Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ . . .», 1829), каждая изъ которыхъ можетъ служить украшеніемъ и гордостью лучшихъ сборниковъ міровой поэзіи. А въ стихотвореніи «26 мая 1828 г.» Пушкинъ даетъ поэтическое оформленіе пессимизму такой глубины, равнаго которому я не знаю во всей литературѣ.

Пушкинъ вступаетъ въ исключительный для его жизни 1830 годъ. «Дѣтородная осень», такъ называемая «болдинская» по мѣсту его подневольнаго заключенія въ силу отрѣзанности холерными карантинами отъ Москвы, является совершенно исключительною по напряженію его творчества. Если бы Пушкинъ вошелъ въ литературу только одними произведеніями, написанными въ болдинскую осень 1830 г., то и то ему было-бы обезпечено прочное мѣсто въ міровой литературѣ. Достаточно выхватить изъ его лирики этого времени только двѣ три пьесы, чтобы показать, какой мощи достигъ его геній. «Бѣсы», вошедшіе во всѣ русскія хрестоматіи, «Бѣсы», которые каждый русскій школьникъ знаетъ наизусть, въ сущности предвосхищаютъ своею жутью и, можетъ быть, превосходятъ своею сгущенностью одноименный романъ Достоевскаго. Надо только на одну минуту снять съ этого стихотворенія налетъ объективности, связать его съ судьбами Россіи, и станетъ ясно, почему Достоевскій избралъ ихъ эпиграфомъ къ своему роману. И по-новому зазвучатъ памятныя всѣмъ строчки:

«Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ . . .»

Но подлинно міровое значеніе имѣютъ «маленькія трагедіи» Пушкина, написанныя въ болдинскую осень 1830 года. Это непревзойденные образцы маленькихъ художественныхъ трактатовъ на темы основныхъ проблемъ человѣческаго бытія. Каждая изъ этихъ «трагедій» такъ насыщена, такъ глубока по своему содержанію, несмотря на кажущуюся легкость и

простоту, что стоитъ многихъ и многихъ прославленныхъ трагедій. На Западѣ «маленькія трагедіи» еще не нашли своей должной оцѣнки, можетъ быть именно потому, что онѣ за прозрачной чистотой своей поверхности скрываютъ отъ неискушенныхъ глубины своего содержанія. Но недалекъ тотъ день, я въ этомъ увѣренъ, когда Пушкинъ будетъ открытъ вновь, и именно въ маленькихъ трагедіяхъ вскроется сила его генія. Европа, которая одно время съ такою силою пережила воздѣйствіе Достоевскаго, не догадывалась, что вся его проблематика уже заложена въ Пушкинѣ. Вѣдь «Моцартъ и Сальери» заключаетъ въ себѣ бунтъ Достоевскаго противъ судьбы и случайности. Въ бунтѣ Сальери, справедливо говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, «самое страшное богоотрицаніе, не умомъ, а сердцемъ, когда Бога отвергаютъ не потому, что его не знаютъ, а потому что его не хотятъ».*) Сальери не хочетъ несправедливаго Бога и не принимаетъ, подобно Ивану Карамазову, имъ установленнаго міропорядка. А развѣ Скупой Рыцарь не потому же отрекается отъ сына, который разнесетъ по вѣтру съ такимъ упорствомъ и такимъ насиліемъ надъ своею совѣстью скопленное богатство? И почему не хотятъ видѣть, что Дмитрій Карамазовъ въ своемъ бунтѣ противъ отца, въ своемъ мысленномъ отцеубійствѣ, за которое его такъ жестоко осудили «мужички», идетъ только по стопамъ Альбера изъ «Скупого Рыцаря», мысленно также пожелавшаго смерти отца, чтобъ устранить его со своего пути и получить долгожданное наслѣдство. А развѣ въ «Каменномъ Гостѣ» Пушкинъ не обнаружилъ геніальности, смѣло взявшись за сюжетъ міровой литературы, выведя своего Донъ-Жуана съ чертами незабываемой самобытности, при всемъ сохраненіи традиціоннаго пониманія этого образа? И даже въ переводную пьесу Вильсона «Пиръ во время чумы», въ которой онъ далеко за собою оставляетъ свой оригиналъ, Пушкинъ вноситъ черты художественной самостоятельности въ пѣсни Мэри и Валь-

*) *Д. С. Дарскій.* Маленькія трагедія Пушкина. М. 1915. Подробнѣе ниже, въ ст. «Болдинская осень».

сингама, каждая изъ которыхъ представляетъ непревзойденный образецъ художественнаго перевоплощенія. Въ какія глубины человѣческаго духа заглядывалъ Пушкинъ, какъ понималъ онъ, что душа человѣческая таитъ въ себѣ глубочайшія противорѣчія, мы знаемъ хотя бы по его «гимну чумѣ» изъ пѣсни Вальсингама. За внѣшнею объективностью пушкинскаго повѣствованія часто скрыты глубины, о которыхъ сразу не догадаешься. «Геніальный читатель» Пушкина, Достоевскій въ своемъ творчествѣ вскрылъ передъ нами эти глубины, и мы ужаснулись имъ. Въ Достоевскомъ, наравнѣ съ Львомъ Толстымъ, весь міръ увидѣлъ высшее проявленіе русскаго генія. Но самъ Достоевскій былъ безконечно правъ, когда утверждалъ, что истоки всей русской литературы въ Пушкинѣ, что русскимъ писателямъ, даже самымъ геніальнымъ, послѣдовавшимъ за нимъ, «дано было только вскрыть и досказать намѣченное имъ».

Человѣкъ и поэтъ

1.

Необычайная черта трагичности лежитъ на жизни Пушкина. Чѣмъ болѣе изучаешь его жизнь, знакомую намъ теперь до мельчайшихъ подробностей, тѣмъ гуще ложится эта тѣнь трагичности на обликъ поэта.

Въ чемъ же сущность этой трагичности? Вѣдь, жизнь русскаго писателя, вообще, не очень богата свѣтлыми страницами. Если вспомнить біографіи нашихъ писателей, хотя-бы Гоголя, Достоевскаго, Гаршина, то, безотносительно къ личности этихъ писателей, жизнь ихъ во многомъ можетъ представиться куда-болѣе тягостной, чѣмъ жизнь Пушкина. И все-же печать трагичности неизмѣнно связана съ личностью именно Пушкина. Почему такъ?

Мнѣ думается, что причина такого воспріятія жизни Пушкина лежитъ въ противорѣчіи между его личностью и судьбой, ему дарованной.

Что является наиболѣе характерной чертой личности Пушкина? Она не разъ уже отмѣчалась — это его гармоничность, «круглость», какъ-бы назвалъ эту черту Левъ Толстой. Вызовемъ мысленно передъ собою образъ Пушкина, и невольно передъ нами предстанетъ его гармоничная, цѣльная, органичная натура. При этомъ бросится въ глаза богоданность, стихійность этой органичности. Не случайно, одинъ изъ критиковъ назвалъ Пушкина идеальнымъ типомъ «естественнаго человѣка».

Уже съ первыхъ шаговъ его жизни въ немъ чувствуется большая непосредственность, чуткая воспріимчивость ко всѣмъ впечатлѣніямъ бытія и отзывчивость на всѣ зовы жизни. Въ немъ есть черта

почти «ребячливости», отсутствіе изломанности и рисовки. Эти черты бросаются въ глаза особенно при сравненіи съ Лермонтовымъ, Гоголемъ, Достоевскимъ, Л. Толстымъ. Здѣсь все просто и ясно, тамъ — сложно, изломанно и часто надуманно. Но эта ясность и простота, это важно сразу отмѣтить, ничуть не исключаютъ глубины и содержательности. Пушкину не нужно стараться быть добрымъ, онъ — просто добръ; это качество ему органически свойственно. «Онъ, малый, право, добрый», писалъ о немъ какъ-то генералъ Инзовъ, и этимъ чисто русскимъ, безхитростнымъ «добрый малый» далъ, пожалуй, наилучшее опредѣленіе характера Пушкина. Оно совпадаетъ и съ самохарактеристикой поэта, данной имъ въ «Моей эпитафіи» (1815):

«Здѣсь Пушкинъ погребенъ; онъ съ музой молодою,
Съ любовью, лѣностью провелъ веселый вѣкъ;
Не дѣлалъ добраго — однако-жъ былъ душою,
Ей-Богу, добрый человѣкъ».

Посмотрите, какъ его влечетъ ко всему простому и естественному. Его умѣніе обращаться съ простымъ народомъ убѣдительно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Вѣдь, «единственною своею подругою», съ которою одною только ему не было скучно, Пушкинъ назвалъ свою няню, крѣпостную крестьянку. Онъ необычайно воспріимчивъ къ свѣтлымъ сторонамъ жизни и съ трудомъ замѣчаетъ темное. Отсюда необычайная благодарность, которою Пушкинъ проникается за малѣйшее вниманіе и добро, къ нему проявленныя. Вѣдь біографу Пушкина постоянно приходится считаться съ способностью его видѣть все въ «идеальномъ» свѣтѣ; приходится возстанавливать неприглядную дѣйствительность тамъ, гдѣ Пушкинъ ея вовсе не замѣчалъ, проходилъ мимо нея. Такъ его воспоминанія о Царскосельскомъ лицеѣ окрашены въ самые розовые тона. Онъ, не задумываясь, восхваляетъ своихъ учителей А. И. Галича и А. П. Куницына; онъ вспоминаетъ лицейскіе годы, какъ лучшее время своей жизни. Въ дѣйствительности, мы знаемъ, какъ мало подлинный Лицей пушкинскаго времени соотвѣтствовалъ «вообра-

жаемому Лицею», которому онъ посвятилъ трогательныя строки:

«Куда бы насъ ни бросила судьбина
И счастіе куда-бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село».

(„*19 октября*", 1825 г.).

Мы знаемъ, что Галичъ, въ концѣ концовъ, не сыгралъ большой роли въ жизни юноши-Пушкина, а Куницынъ далеко не заслуживалъ той восторженной оцѣнки, какую ему далъ Пушкинъ въ извѣстныхъ стихахъ: «19 октября» 1825 г.:

«Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень;
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...»

Столь же типично для Пушкина чувство товарищества и дружбы. Собственно «культъ дружбы» проходитъ красной нитью черезъ всю жизнь поэта. Рѣдко кому удавалось найти такія трогательныя выраженія для этого чувства, какъ Пушкину. И это не слащавое чувство amitié, а мужественное чувство товарищества. «Товарищъ милый, другъ прямой» — вотъ выраженіе, которое Пушкинъ находитъ для своего друга И. Н. Пущина; «мой первый другъ, мой другъ безцѣнный», обращается онъ къ нему же въ другой разъ. Мы знаемъ, что смерть А. А. Дельвига была однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ ударовъ въ жизни поэта: «никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига», писалъ Пушкинъ, вспоминая своего друга. Его отношенія къ молодому Гоголю — одна изъ трогательныхъ страницъ въ исторіи литературныхъ взаимоотношеній. Обычно писательская дружба недолговѣчна, и первоначальное покровительство часто смѣняется чувствомъ недоброжелательства, а иногда и прямо враждебности. Вспомнимъ отношенія между Бѣлинскимъ и Достоевскимъ, между Тургеневымъ и Львомъ Толстымъ. Дружба Пушкина къ Гоголю ничѣмъ не была омрачена: онъ сразу входитъ въ интересы никому еще неизвѣстнаго фантаста и прожектора, необычайно самолюбиваго и обидчиваго, и своимъ тактомъ и врожден-

нымъ благородствомъ привлекаетъ его къ себѣ. Мы знаемъ, какихъ благотворныхъ результатовъ достигъ Пушкинъ. Поэтъ привѣтствовалъ появленіе «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» бодрымъ сочувственнымъ словомъ. Интересно, что въ «Вечерахъ» онъ отмѣтилъ тѣ черты, которыя были ему самому необычайно свойственны. «Вотъ истинная веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства и чопорности . . .», писалъ Пушкинъ послѣ появленія въ печати «Вечеровъ» Гоголя.

Очень любопытно прослѣдить отношеніе Пушкина къ императорамъ Александру I и Николаю I. Александра I онъ, скорѣе, недолюбливалъ. Онъ, цѣнившій больше всего открытый и благородный характеръ, не могъ примириться съ обстоятельствами, сопутствовавшими вступленію Александра I на престолъ. Убійство Павла I въ памятную ночь 11-го марта 1801 г. въ Михайловскомъ, позже Инженерномъ замкѣ вызывало въ Пушкинѣ чувство отвращенія къ кучкѣ цареубійцъ. Объ этомъ съ необычайной, почти вызывающей прямотой онъ писалъ въ своей одѣ «Вольность» (1817). И хотя въ одѣ нѣтъ прямого обвиненія Александра I, но царь прекрасно понималъ, что эта роковая ночь непроходимой гранью легла между нимъ и поэтомъ. Пушкинъ, по собственнымъ его словамъ, «подсвистывалъ Александру до самаго гроба», и это «подсвистываніе» часто подхватывалось оппозиціонно настроенными кругами. Подлинныя пушкинскія эпиграммы («Воспитанный подъ барабаномъ . . .») и только приписываемыя ему были широко распространены въ Россіи. Нельзя здѣсь не вспомнить и ядовитой характеристики, данной Пушкинымъ Александру I въ зашифрованной десятой главѣ «Евгенія Онѣгина»:

«Властитель слабый и лукавый,
Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
Нечаянно пригрѣтый славой,
Надъ нами царствовалъ тогда . . .»

Но и для Александра I у Пушкина нашлись слова сочувствія и историческаго признанія въ стихахъ, по-

священныхъ лицейской годовщинѣ «19 октября» 1825 года:

«Онъ человѣкъ! имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣній и страстей,
Простимъ ему неправое гоненье:
Онъ взялъ Парижъ, онъ основалъ Лицей...».

Инымъ было отношеніе Пушкина къ Николаю I. Здѣсь не мѣсто разбирать сложный вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ Пушкинъ былъ связанъ съ движеніемъ декабристовъ. Ясно одно: казнь пяти участниковъ декабрьскаго возстанія и ссылка остальныхъ въ Сибирь оставили на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе на Пушкина. Личность императора Николая I, ознаменовавшаго начало своего царствованія этими казнями, должна была будить въ немъ сложныя чувства. И мы, дѣйствительно, видимъ, какъ Пушкинъ то и дѣло возвращается въ своемъ творчествѣ къ трагическимъ днямъ начала царствованія Николая I. Но, какъ-бы отдѣльные изслѣдователи ни пытались затушевать истинное отношеніе поэта къ Николаю I, нельзя не видѣть, что были въ царѣ черты, вызывавшія въ Пушкинѣ уваженіе. Эти черты были — мужество, честность и прямота. Неважно, въ какой мѣрѣ представленіе Пушкина о Николаѣ I соотвѣтствовало дѣйствительности; существенно то, что онъ, несмотря на казни, «мрачившія» начало николаевскаго царствованія, несмотря на личную тяжелую зависимость отъ царя, несмотря, наконецъ, на безтактности, граничащія съ издѣвательствомъ, со стороны гр. Бенкендорфа, которыя онъ могъ истолковать, какъ прямое преслѣдованіе Николаемъ I, несмотря на все это, Пушкинъ сохраняетъ въ себѣ настолько безпристрастія, что отдаетъ ему должное и прежде всего выдѣляетъ его прямоту и личное мужество (см. «Герой», 1830). И, думается мнѣ, вовсе не нужно снисходительно прощать Пушкину его «Стансы» 1828 г. Онъ съ полнымъ правомъ и сознаніемъ отвѣтственности писалъ:

«Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю...»

Всякій, кто хоть немного знаетъ русскія общественныя отношенія, пойметъ, что надо было больше мужества, чтобы написать эти строки, чѣмъ для того, чтобы дать въ стихахъ выходъ своему оппозиціонному настроенію. Печать «отступника» и «льстеца» была страшнѣе, чѣмъ прямое правительственное гоненіе. Тѣ, кто сейчасъ съ такой легкостью готовы упрекать Пушкина въ «лакействѣ», должны были-бы вспомнить, что Пушкинъ — не въ порядкѣ идеологическомъ, а личномъ — никогда не измѣнялъ своимъ друзьямъ-декабристамъ. Вѣдь не побоялся же онъ переслать каторжникамъ-декабристамъ «Посланіе въ Сибирь» («Во глубинѣ сибирскихъ рудъ . . .», 1827 г.), не остановился-же онъ передъ тѣмъ, чтобы при жизни напечатать привѣтъ друзьямъ въ лицейскую годовщину 1827 года:

«Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли . . . ».

А тѣмъ, кто склоненъ упрекать Пушкина въ перемѣнѣ общественно-политическихъ взглядовъ, онъ лучше всего самъ отвѣтилъ словами: «Одинъ глупецъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опытъ для него не существуетъ . . .» (1836 г.).

Не менѣе характерны для стихійной воспріимчивой натуры Пушкина его любовныя отношенія. Ихъ обиліе, быстрая смѣна и легкомысліе производитъ на поверхностно знакомаго съ жизнью поэта непріятное впечатлѣніе. Но вчитайтесь въ страницы его любовной лирики, и вы увидите, съ какой непосредственностью и страстностью онъ отдается своимъ мимолетнымъ увлеченіямъ. И каждый разъ онъ вкладываетъ въ новое чувство всего себя, и его новая страсть отражается въ творчествѣ чистѣйшими мотивами любовной лирики. И здѣсь біографу приходится поражаться огромнымъ разстояніемъ между дѣйствительнымъ и между поэтическимъ образомъ. Самымъ разительнымъ примѣромъ такого несоотвѣтствія является извѣстное стихотвореніе «Къ А. П. Кернъ» («Я помню

чудное мгновеніе...», 1825 г.). Поэтъ самъ не разъ съ болью переживаетъ свою страстность и своё легкомысліе, но эти его «покаянія» напоминаютъ раскаянія ребенка, черезъ минуту снова подпадающаго соблазнамъ своихъ непреодолимыхъ желаній.

«Я такъ и вспыхну, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?»

(*„Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“*, 1824).

— вотъ образецъ такихъ минутныхъ покаяній.

Но посмотрите, какъ рыцарски благородно сердце поэта въ отношеніи къ своей единственной нераздѣльной «затаенной» любви. Ея имя онъ скрылъ отъ насъ, и врядъ-ли, несмотря на всѣ изощренія «пушкинистовъ», намъ удастся отгадать эту тайну поэта. Появленіе въ печати, помимо его воли, элегіи, съ намекомъ на эту затаенную любовь, вызываетъ въ немъ подлинную душевную тревогу. «Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публикой», сознается Пушкинъ въ письмѣ къ А. А. Бестужеву (29 іюня 1824 г.). Да, онъ умѣлъ быть вѣрнымъ рыцаремъ единой любви!

А его отношенія къ женѣ! Развѣ не поразительна стихійность «семейственности» и «отцовства», которая охватываетъ Пушкина послѣ женитьбы? Его письма къ женѣ, своеобразныя по грубоватости и интимности, поражаютъ именно своей земной стихійной цѣльностью. О характерѣ этихъ писемъ дадутъ представленіе хотя-бы слѣдующія строки изъ письма пол. іюля 1834 г.: «Женка, женка, потерпи до половины августа, а тутъ ужъ я къ тебѣ и явлюсь и обниму тебя и расцалую. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ пріѣхать, да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвой, такъ бы Богу свѣчку поставилъ, радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ». А ка-

кой глубины и серьезности онъ иногда достигаетъ въ этихъ письмахъ, видно изъ его письма отъ 8-го іюня того-же года, въ которомъ онъ опредѣляетъ свое отношеніе къ «зависимости». «Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости, пишетъ онъ женѣ. — Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни». Здѣсь особенно любопытно, что самъ Пушкинъ говоритъ о своемъ «добродушіи», которое онъ разсматриваетъ какъ слабость, не разъ уже ему вредившую. Можно бы безъ конца цитировать письма Пушкина для доказательства «органичности», цѣльности и непосредственности его натуры.

Въ русской литературѣ есть попытка противоположнаго утвержденія, попытка талантливая и заставляющая съ собою считаться. Я имѣю въ виду взглядъ покойнаго М. О. Гершензона, высказанный имъ въ книгѣ «Мудрость Пушкина». М. О. Гершензонъ выдѣляетъ въ психикѣ Пушкина элементы хаоса и разрушенія. Для доказательства своей общей мысли о неизбѣжномъ родствѣ творческой геніальности съ изначальнымъ хаосомъ, онъ стремится проникнуть въ послѣднія глубины творческой личности Пушкина и тамъ вскрыть духъ сомнѣнья и отрицанья, разлагающій міропорядокъ. Какъ всегда, М. О. Гершензонъ очень тонко и съ глубокой интуиціей подходитъ къ своей задачѣ, но въ итогѣ создаетъ образъ поэта, далекій отъ подлиннаго.

Когда я говорю объ «органичности» Пушкина, я,

конечно, далекъ отъ мысли утверждать примитивность его душевнаго склада. Примитивность и сложность психики лежатъ въ иной плоскости и встрѣчаются въ сочетаніи порознь, какъ съ органичностью, такъ и съ дисгармоничностью натуры. Пушкинъ былъ при органичности психическаго склада необычайно глубокъ и мудръ. И тамъ, гдѣ М. О. Гершензонъ склоненъ видѣть «хаотичность» творческаго генія, тамъ, въ дѣйствительности, передъ нами углубленная постановка вопроса и проникновеніе въ тайны человѣческой души. «Есть наслажденіе въ бою и самой бездны на краю» — это сжатая поэтическая формула обобщеннаго психологическаго опыта, а не исповѣданіе послѣднихъ глубинъ хаотическаго по природѣ генія.

Да, Пушкинъ по своему психическому складу органиченъ и гармониченъ, въ этомъ трудно усомниться даже послѣ блестящей работы Гершензона. Но съ другой стороны, нельзя стать на точку зрѣнія и тѣхъ, кто склоненъ, въ противовѣсъ М. Гершензону, отрицать за Пушкинымъ способность къ погруженію въ глубины человѣческаго духа, кто хочетъ видѣть въ его творчествѣ исключительно одинъ только «реализмъ», безъ малѣйшихъ прорывовъ въ инобытіе. Такъ напр. Б. Мейлахъ въ статьѣ «Пушкинъ и реакціонный романтизмъ», напечатанной въ журналѣ «Звѣзда», 1935 г., № 2 тщательно старается подобрать всѣ факты, которые свидѣтельствуютъ о чуждости Пушкину устремленій въ область таинственнаго и загадочнаго. Для него «второй планъ» творчества Пушкина, даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ стихотвореніе «Бѣсы» или «Заклинанье», или вовсе не существуетъ или, по крайней мѣрѣ, представляется срывомъ въ «упадочничество», который поэтъ въ процессѣ творчества преодолѣвалъ. Мнѣ кажется, безспорной заслугой М. Гершензона остается то, что онъ въ своей книгѣ показалъ, какъ Пушкинъ глубокъ въ своемъ творчествѣ, и какъ мы многаго не замѣчали, подпадая очарованію его прозрачнаго яснаго стиля. Подъ внѣшнимъ слоемъ реалистическаго повѣствованія у Пушкина очень часто скрытъ глубокій смыслъ,

проникающій въ подсознательное человѣческой души и ставящій проблемы большого значенія. Только этимъ и можно объяснить, что на творчествѣ Пушкина могъ взрасти такой сложный и глубокій писатель, какъ Достоевскій. Но наличіе этого второго глубиннаго пласта въ творчествѣ Пушкина вовсе не противорѣчитъ утвержденію объ органичности и гармоничности творческаго генія поэта.

2.

И вотъ, когда ищешь объясненія трагичности жизни Пушкина, его находишь въ контрастѣ между органическимъ складомъ его личности и его жизненной судьбой.

Уже дѣтство должно было тяжело отразиться на психикѣ отзывчиваго и чуткаго ребенка. Ему нужна была семья здоровая и морально крѣпкая. Вмѣсто этого онъ проводитъ дѣтскіе годы въ семьѣ, гдѣ условностямъ и свѣтскимъ приличіямъ принесены въ жертву здоровыя начала семьи. Пользуясь прекраснымъ словомъ Достоевскаго, можно сказать, что отсутствіе «благообразія» является наиболѣе характернымъ признакомъ дѣтства Пушкина. Ребенокъ не видѣлъ въ семьѣ ни материнской ласки, ни отцовской заботливости. Дѣти были предоставлены сами себѣ и никакой привязанности къ родному дому не чувствовали. Отданный затѣмъ въ Царскосельскій Лицей, который долженъ былъ замѣнить родной домъ, Пушкинъ ищетъ здѣсь выхода для своей непосредственной стихійной жизнерадостности въ товарищескихъ пирушкахъ и первыхъ любовныхъ увлеченіяхъ, а свою пытливость удовлетворяетъ безсистемнымъ чтеніемъ и первыми опытами подражательнаго творчества. Рѣдко современники даютъ правильную оцѣнку, но о дѣтствѣ и юношескихъ годахъ Пушкина сохранились разительныя строки гр. И. А. Каподистрія, обращенныя къ ген. И. Н. Инзову при переводѣ Пушкина изъ Петербурга въ Екатеринославъ. Непосредственный начальникъ поэта такъ отзывается о немъ въ

своемъ письмѣ: «Исполненный горестей въ продолженіи всего своего дѣтства, молодой Пушкинъ покинулъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Его сердце, лишенное всякой сыновней привязанности, могло чувствовать одно лишь страстное стремленіе къ независимости. Этотъ ученикъ уже въ раннемъ возрастѣ проявилъ геніальность необыкновенную. Успѣхи его въ Лицеѣ были быстры, его умъ возбуждалъ удивленіе, но его характеръ, повидимому, ускользнулъ отъ вниманія наставниковъ. Онъ вступилъ въ свѣтъ, сильный пламеннымъ воображеніемъ, но слабый полнымъ отсутствіемъ тѣхъ внутреннихъ чувствъ, которыя служатъ замѣною принциповъ до тѣхъ поръ, пока опытъ не дастъ намъ истиннаго воспитанія. Нѣтъ той крайности, въ какую бы не впадалъ этотъ несчастный молодой человѣкъ, какъ нѣтъ и того совершенства, котораго онъ не могъ бы достигнуть превосходствомъ своихъ дарованій...» Насколько этотъ вдумчивый отзывъ начальника по службѣ Пушкина выше оцѣнокъ его лицейскихъ наставниковъ, имѣвшихъ возможность постоянно его наблюдать! Вѣдь подумать только, что даже одинъ изъ лучшихъ педагоговъ Лицея, его директоръ Е. А. Энгельгардтъ нашелъ возможнымъ такъ отозваться о Пушкинѣ: «Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце». Даже въ раздраженной и злой характеристикѣ лицейскаго товарища Пушкина, бар. М. А. Корфа больше правды, чѣмъ въ сухомъ и педантичномъ выводѣ наставника Пушкина. «Въ Лицеѣ, писалъ бар. Корфъ о поэтѣ, онъ рѣшительно ничему не учился, но какъ и тогда уже блисталъ своимъ дивнымъ талантомъ, и такъ какъ сверхъ того начальниковъ пугали его злой языкъ и ѣдкія эпиграммы, то на его эпикурейскую жизнь смотрѣли сквозь пальцы... Между товарищами, кромѣ тѣхъ, которые, писавъ сами стихи, искали его одобренія и протекціи, онъ не пользовался особенною пріязнью. Вспыльчивый до бѣшенства, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, съ необузданными афри-

канскими страстями, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды — ровной, систематической, сколько-нибудь связной, у него совсѣмъ не было, какъ не было и дара слова; были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль; но все это лишь урывками, иногда въ добрую минуту, большею же частію или тривіальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе . . .» Въ этомъ отзывѣ все-же пробиваются кое-какія подлинныя черты поэта, который по разному поворачивался къ своимъ современникамъ. Бар. Корфъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ, кто не разъ, вѣроятно, больно чувствовалъ превосходство надъ собою своего товарища и не разъ, навѣрно, бывалъ жертвою его «злого» языка, не могъ сохранить о немъ добрыя воспоминанія. Но они говорятъ больше противъ ихъ автора, чѣмъ противъ самого Пушкина.

Первые самостоятельные шаги въ жизни Пушкина, послѣ выхода изъ Лицея, также не были благопріятны для его духовнаго развитія. Ему пришлось вступить въ свѣтъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ условности, прикрывающія внутреннюю пустоту. Со всѣмъ жаромъ молодости Пушкинъ отдается той сторонѣ свѣтской жизни, гдѣ находила выходъ его жизнерадостность. Внутреннее противорѣчіе между «условной» жизнью большого свѣта и жаждой свободнаго выявленія личности кончается высылкою поэта изъ Петербурга на югъ. Пушкинъ вступаетъ въ новую полосу жизни. Именно здѣсь, на югѣ, складывается та двойственность его характера, которая вызывается противорѣчіемъ между оптимистическимъ складомъ его природы и трагическими испытаніями жизни. Здѣсь впервые посѣщаетъ его «демонъ».

Стихотвореніе «Демонъ» («Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы . . .», 1823 г.) представляетъ для насъ особенный интересъ. Что отрицаетъ пушкинскій «демонъ»? Именно то, что по природѣ было Пушкину

близко, что составляло его сущность. Когда къ Пушкину приходитъ его «демонъ»?

«Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь, —
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣняя,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня...»

Демонъ приходитъ извнѣ, какъ жизненное испытаніе, враждебное «вдохновенной» природѣ поэта. Это столкновеніе внутренняго и внѣшняго было на первыхъ порахъ еще только «печально», позже оно становится трагичнымъ.

«Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ».

Такъ уже на первыхъ порахъ Пушкину чуждъ и враждебенъ «злой геній», пытающійся замутить прозрачность его души. У Пушкина нѣтъ любованія своей двойственностью, столь свойственнаго натурамъ дисгармоничнымъ; онъ полонъ тревоги при первой жизненной встрѣчѣ со своимъ «демономъ». Поэтому по существу ему былъ уже съ самаго начала чуждъ байронизмъ, который вѣдь несовмѣстимъ съ органичностью его природы. М. Гершензонъ совершенно правъ, когда требуетъ пересмотра вопроса о байронизмѣ Пушкина на томъ основаніи, что необходимо предварительно уяснить себѣ ту духовную почву, на которую падали сѣмена байроновскаго посѣва. «Вопросъ о байронизмѣ у Пушкина, говоритъ М. Гершензонъ, требуетъ коренного пересмотра. Нельзя — какъ это большею частью дѣлалось до сихъ поръ — говорить

о вліяніи, не изучивъ предварительно ту психическую почву, на которую легло это вліяніе; чтобы выдѣлить байроническіе элементы въ поэзіи Пушкина, надо знать, чѣмъ былъ Пушкинъ въ моментъ своего ознакомленія съ Байрономъ.*)

На смѣну красочному югу, полному разнообразныхъ впечатлѣній и отъ природы и отъ столкновенія съ людьми, приходитъ однообразная жизнь въ Михайловскомъ. Невесело пришлось здѣсь поэту на первыхъ порахъ. Столкновенія съ отцомъ, возомнившимъ себя опекуномъ взрослаго сына, довели его до того, что онъ готовъ былъ предпочесть этой жизни заключеніе въ крѣпости или въ монастырѣ. Только близость къ природѣ да общеніе съ няней, Ариной Родіоновной, и часы одиночества давали выходъ его природной тягѣ къ «мудрому покою». «Знаешь ли мои занятія? — писалъ онъ брату въ концѣ октября 1824 года. — До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія: Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!..» Здѣсь, въ Михайловскомъ, въ минуты раздумья, Пушкинъ рѣзче опозналъ разладъ между своей непосредственной жаждой жизни и первыми жизненными испытаніями. Когда въ первый разъ онъ явился подъ сѣнь михайловскихъ рощъ, онъ былъ «веселымъ юношей»:

«...Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни, годы
Промчалися — и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца! Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неправой истомила;
Я былъ ожесточенъ! Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства...»

(*„Вновь я посѣтилъ...“*, 1833 г.).

*) «Мудрость Пушкина», стр. 176.

Здѣсь снова бросается въ глаза противопоставленіе «довѣрчивой и нѣжной» души горькимъ испытаніямъ жизненной судьбы. Но все же «ясною душою» Пушкинъ преодолѣваетъ горечь, накопившуюся отъ жизненныхъ разочарованій. Достаточно вспомнить его «прощаніе» съ «легкой юностью» въ шестой пѣснѣ «Евгенія Онѣгина», чтобы убѣдиться, какъ упорно борется онъ съ духомъ унынія, готовымъ овладѣть имъ.

Но самое тяжелое ждало поэта впереди. Годы послѣ Михайловскаго складываются необычайно трагично. Вокругъ Пушкина смыкается все уже кольцо, изъ котораго ему уже не найти выхода. «Каторга не въ примѣръ лучше», восклицаетъ Пушкинъ, жалуясь на свою жизнь послѣднихъ лѣтъ. Онъ мечтаетъ «удрать, улизнуть» изъ Петербурга въ деревню, чтобы зажить здоровою жизнью труженника и хозяина. А какъ онъ оживалъ въ обстановкѣ деревенской жизни, говоритъ памятная «болдинская осень» 1830 г. Прекрасная книга П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», третье изданіе которой недавно вышло въ Россіи, даетъ представленіе о томъ трагическомъ узлѣ, который Пушкинъ могъ разрубить только своею смертью.

3.

Какъ же Пушкинъ долженъ былъ осмыслить свою жизнь? Это осмысленіе должно было идти подъ двоякимъ воздѣйствіемъ. Съ одной стороны, гармоническая природа вела къ оптимизму, къ бездумному пріятію жизни; съ другой — трагичность судьбы вызывала разочарованіе и скепсисъ. Попробуемъ прослѣдить этотъ сложный путь исканія смысла жизни у Пушкина, твердо помня двойственность его природы и судьбы.

Очень рано Пушкину было знакомо чувство грусти, чувство «унынія», какъ онъ любилъ его называть. Въ ранней юности это чувство невольно связывалось съ переживаніями любви. Въ тайномъ предчувствіи душевныхъ разочарованій, которыя несла съ собою лю-

бовь, онъ съ грустью разстается съ своимъ дѣтствомъ:

«Прелестный возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружитъ и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка,
И въ безпокойствѣ непонятномъ
Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
И все языкомъ, сердцу внятнымъ,
О нѣжной страсти говоритъ...»

(*„Посланіе къ Юдину“*, 1815).

Но любовь на первыхъ же порахъ не улыбнулась поэту, и нераздѣленное чувство пробуждаетъ въ немъ мрачныя мысли:

«Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется: на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на часъ — и одинокъ умру...»

(*„Посланіе къ кн. А. М. Горчакову“*, 1817).

Такъ цѣлый періодъ жизни Пушкина, при всемъ его стремленіи непосредственно отдаться впечатлѣніямъ бытія, окрашенъ приливами грусти и разочарованія. Правда, это только отдѣльные моменты на общемъ фонѣ безпечной, игривой, а иногда и разгульной жизни, но этихъ моментовъ упускать нельзя, такъ какъ безъ нихъ мы не поймемъ того обостреннаго отношенія къ вопросамъ о смыслѣ жизни, которое становится такимъ значительнымъ и серьезнымъ въ его позднѣйшемъ творчествѣ.

Разочарованіе въ жизни окрашено пока еще въ сентиментально-мрачные тона, свойственные раннему возрасту, еще не испытавшему ни подлинной радости, ни подлиннаго горя, но все-же временами и это юношеское чувство находитъ себѣ подлинно-поэтическое выраженіе. Уже тогда поэтъ ставитъ передъ собою вопросъ о смыслѣ жизни:

«Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая, что радость?

Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать?...»

(*„Посланіе къ кн. А. М. Горчакову“*, 1817).

Конечно, на этотъ вопросъ поэтъ еще не находитъ отвѣта. Но, любопытно, что конецъ этого посланія прямо перекликается съ знаменитой «Элегіей» 1830 года «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»:

«Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ: и въ слезахъ сокрыто наслажденье,
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье:
Мой скромный даръ и счастіе друзей».

Но чтобы элегическая грусть нашла столь совершенную форму выраженія, какъ въ «Элегіи» 1830 года, нужны были подлинныя переживанія, а не надуманныя юношескія страданія. Миновала лицейская пора съ пирушками и дружескимъ весельемъ, но и первымъ раздумьемъ, уже позади были годы буйной, разгульной петербургской жизни періода «Зеленой Лампы», принесены были въ даръ Вакху и Кипридѣ безсонныя ночи и расшатано было молодое здоровье, когда грянулъ первый громъ — ссылка на югъ. Въ жизнь ворвались новыя впечатлѣнія — поэтъ побывалъ въ Новороссіи, на Кавказѣ, въ Крыму. Здѣсь, въ Тавридѣ, его коснулось, видимо впервые, подлинное и по силѣ болѣе не повторяющееся чувство. Новая полоса жизни всегда подводитъ итоги прошлому. Эти итоги Пушкинъ подвелъ съ рѣдкою искренностью въ стихотвореніи «Погасло дневное свѣтило...» Подлинное чувство поэта прорвалось въ немъ, преодолѣвъ заимствованные мотивы байроновской музы. Кто не помнитъ этой удивительной элегіи 1820 года съ ея памятнымъ рефреномъ:

«Шуми, шуми, послушное вѣтрило.
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ».

Съ этимъ стихотвореніемъ въ творчество поэта входитъ новая струя раздумья, временами переходящая въ острое раскаяніе. Вспомнимъ хотя-бы слѣдующія строки:

«Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной сладости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...»

Весьма возможно, что это раскаяніе въ своемъ прошломъ пріобрѣло такую остроту именно въ связи съ «южной» любовью Пушкина. Оно легло тѣнью на эту любовь и грозило разрушить первое счастье. По крайней мѣрѣ, мы слышимъ намекъ на такое предположеніе въ стихотвореніи «Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ...» (1821 г.). Въ немъ поэтъ обращается къ любимой со словами:

«Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть-можетъ, ужаснешься.
Быть-можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я».

Къ тому же времени у Пушкина проявляется столь характерная для его послѣдующаго періода черта вдумчивости и какой-то своеобразной ритмичности его внутреннихъ переживаній (см. напр. стих. «Чаадаеву», 1821).

Періодъ незрѣлаго скепсиса прошелъ; еще будутъ острыя вспышки сомнѣній, будутъ приливы горькаго разочарованія и приступы мукъ совѣсти, но уже намѣчается выходъ въ душевной просвѣтленности. Пушкину помогаетъ необычайный даръ объективаціи своихъ личныхъ переживаній; въ своемъ творчествѣ онъ даетъ столь сгущенное обобщеніе своего личнаго жизненнаго опыта, что отдѣльныя его произведенія ста-

новятся маленькими философскими трактатами. Сюда относятся его знаменитые «Три ключа» (1827 г.):

«Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежной,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья —
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ».

Судьба и смерть — вотъ проблемы, которыя все больше и больше привлекаютъ къ себѣ вниманіе Пушкина. Если въ стихотвореніи «Три ключа» какъ-бы уже намѣчается примиреніе со смертью, какъ освобожденьемъ отъ жизни, съ ея заботами и тревогами, то все-же такое отношеніе къ смерти еще не было гармоничнымъ. Здѣсь не было еще другого звена — пріятія жизни.

Наоборотъ, въ этотъ періодъ, въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ, Пушкинъ особенно остро переживалъ безсмысленность жизни. Но это уже не огульное отрицаніе жизни, къ которому онъ склонялся раньше подъ вліяніемъ своего «демона», а острая неудовлетворенность своимъ прошлымъ.

Передъ поэтомъ возникъ тогда съ новой силой вопросъ о смыслѣ человѣческаго существованія, и вопросъ этотъ ставится съ поразительной силой въ стихотвореніи «26 мая 1828 года»:

«Даръ напрасный, даръ случайной
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?....

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, праздень умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ».

Съ психологической неизбѣжностью мысль о смерти ставила во всей остротѣ вопросъ объ отвѣтственности

за прошлую жизнь, за тотъ отрѣзокъ жизни, который неумолимыя парки уже оставили позади. Отсюда обостренное переживаніе прошлаго, гнетъ воспоминаній и укоры совѣсти. Это настроеніе нашло наиболѣе яркое выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи «Воспоминаніе» («Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день . . .», 1828 г.). Кто не помнитъ этихъ стиховъ, въ которыхъ Пушкинъ съ такою силою передаетъ состояніе встревоженной памяти. Когда всѣ пользуются сномъ, отрадой дневныхъ трудовъ, говоритъ поэтъ:

«Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ . . . »

Поэтъ былъ смущенъ воспоминаніями, онъ хотѣлъ уяснить себѣ ихъ роковой смыслъ, ибо зналъ, что этотъ тайный смыслъ долженъ быть въ жизни, его только надо умѣть вскрыть. Къ этому послѣднему пониманію, постиженію смысла жизни пытливо стремится его совѣсть и этого пониманія настойчиво добивается его умъ.

Только къ концу своей рано оборвавшейся жизни поэтъ подошелъ къ пониманію «темнаго языка» судьбы. Какъ древній Антей, онъ въ трудную минуту сомнѣній обрѣлъ силы, прикоснувшись къ землѣ, къ роднымъ, крѣпко связаннымъ воспоминаніями прошлаго, мѣстамъ:

«Такъ отрокъ библіи, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянія фіалъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ . . . »

(*„Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“*, 1829).

Это прикосновеніе къ родной почвѣ, безъ гордости и съ пониманіемъ прошлаго, вывело поэта изъ замкнутаго круга его личности и протянуло нити въ будущее, къ безсмертью. Все прошлое озарилось новымъ свѣтомъ — свѣтомъ примиренія и постиженія. Поэтому

такъ убѣдительно звучитъ его благословеніе идущимъ вслѣдъ, молодой поросли, тѣснящейся вокругъ старыхъ сосенъ; благословеніе, звучащее какъ оправданіе собственной молодости:

«... Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полонъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...»

(„Вновь я посѣтилъ...“, 1833 г.).

Душевное настроеніе Пушкина въ это время доходитъ до того состоянія, когда только въ молитвѣ можно дать выходъ своему чувству. И молитва его обращена къ прошлому. Это прошлое не вызываетъ уже бурнаго раскаянія, но отзывается въ душѣ спокойнымъ сознаніемъ прежнихъ прегрѣшеній. Поэтъ проситъ только, чтобы въ будущемъ онъ нашелъ въ себѣ силы противостоять соблазнамъ:

«Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей —
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи...»

(„Отцы-пустынники и жены непорочны...“, 1836).

Только уяснивъ себѣ это отношеніе Пушкина къ прошлому, въ которомъ нѣтъ и тѣни гордыни, можно понять, что поэтъ создаетъ свой «Памятникъ» (1836) не изъ чувства самомнѣнія, не только подъ вліяніемъ Горація, а въ полномъ сознаніи, что жизнь его прожита не совсѣмъ безполезно, что вдохновеніе, легкокрылой музой явившееся къ нему въ юности, связало его съ безсмертіемъ и озарило новымъ смысломъ его жизнь. Поэтому поэтъ нашелъ такія сильныя и убѣ-

дительныя слова для старой мысли о вѣчной славѣ писателя:

«Нѣтъ, весь я не умру — душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ,
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ».

Прошло сто лѣтъ со дня смерти Пушкина, и его, казалось, столь горделивое заявленіе, буквально осуществилось. Нѣтъ «языка» въ Россіи, который не назвалъ бы его имени, нѣтъ ни одного народа, «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», который бы не имѣлъ возможности прочитать Пушкина не только на русскомъ, но и на своемъ родномъ языкѣ. Слава Пушкина перешагнула далеко за предѣлы его родины, границы которой онъ самъ никогда не переступалъ. Безсмертіе вѣнчало его трагическую жизнь.

И въ личной жизни поэтомъ былъ найденъ выходъ, выходъ отъ смерти къ безсмертію.

Послѣ этого мѣняется и отношеніе къ смерти: она не является уже желаннымъ покоемъ, но неизбѣжнымъ, однако вовсе нежеланнымъ концомъ. И поэтому вновь просыпается вкусъ къ жизни, къ жизни наполненной трудомъ и покоемъ. Нельзя безъ волненія читать строки его стихотворенія, обращеннаго къ женѣ:

«Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частичку бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Предполагаемъ жить, и глядь, какъ разъ умремъ.
На свѣтѣ счастья нѣтъ, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля —
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальную трудовъ и чистыхъ нѣгъ».

О неизбывной жаждѣ жизни говоритъ и одно изъ стихотвореній, относящееся къ послѣднимъ годамъ жизни поэта:

«О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жизнь люблю, я жить хочу...»

Да, поэтъ любилъ жизнь и какъ эхо отзывался на всѣ ея зовы. Но умѣлъ и осмыслить жизнь и найти единственную въ своемъ родѣ формулу смысла человѣческаго существованія:

«Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать».

Пріятіе страданія, какъ части жизни, не только какъ тѣневой ея стороны, но какъ частицы ея сокровеннаго смысла — это чисто пушкинское пониманіе жизни. Это пониманіе далось ему не сразу: черезъ отрицаніе жизни, къ горькому похмелью отъ испитой чаши страданій къ ея послѣднему сокровенному смыслу пришелъ поэтъ къ концу своей жизни.

„Болдинская осень“

1.

Въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, 6-го апрѣля 1830 года, Пушкинъ вторично сдѣлалъ предложеніе Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, и на этотъ разъ оно было принято благосклонно. Характерно для Пушкина: собираясь ѣхать къ родителямъ Гончаровой съ тѣмъ, чтобы сдѣлать предложеніе ихъ дочери, онъ забываетъ одѣть фракъ и наскоро облекается во фракъ своего друга, Нащокина. Этотъ «счастливый фракъ» позже Пушкинъ одѣвалъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни. Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ суевѣренъ и повѣрчивъ. Ровно черезъ мѣсяцъ, 6-го мая, Пушкинъ могъ уже оповѣстить своихъ друзей и знакомыхъ о помолвкѣ.

Не такъ просто было Пушкину вступить на новый путь. Ему пришлось прежде всего устранить одно препятствіе, которое дѣлало ложнымъ его положеніе въ свѣтѣ. Мать невѣсты ему прямо дала понять, что она «боится отдать дочь за человѣка, имѣющаго несчастіе быть на дурномъ счету у Императора». Пушкинъ со свойственной ему прямотой прямо обратился къ Николаю I черезъ шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа, которому, какъ извѣстно, было поручено «дружественное» наблюденіе за поведеніемъ опальнаго поэта, съ просьбой разсѣять однимъ своимъ словомъ возникшія на его пути трудности. Съ какимъ чувствомъ долженъ былъ принять поэтъ «благосклонное удовлетвореніе» Николая I, выраженное имъ при полученіи извѣстія о планѣ женитьбы Пушкина! При этомъ гр. Бенкендорфъ, не безъ удовольствія, передалъ замѣчаніе Государя, что Пушкинъ, вѣроятно, «серьезно обдумалъ свой шагъ и нашелъ въ себѣ не-

обходимыя качества сердца и характера, чтобы составить счастіе женщины, въ особенности столь любезной и интересной, какъ м-ль Гончарова». Какъ ни досадны были обстоятельства, сопровождавшія сватовство Пушкина, былъ онъ счастливъ, когда, наконецъ, всѣ препятствія оказались преодолѣны. «Романтическая красавица», которой любовалась вся Москва, стала его невѣстой. «Ахъ, душа моя, писалъ онъ въ началѣ мая своему другу П. А. Плетневу, какую женку я себѣ завелъ!»

Но, при всемъ томъ, Пушкинъ не безъ внутренней тревоги вступалъ на новый путь. Онъ слишкомъ дорожилъ своей свободой, слишкомъ высоко ставилъ свое писательское призваніе, чтобы не понимать, что онъ ставитъ многое на карту. Но еще больше смущало его чувство отвѣтственности, которое онъ беретъ на себя передъ женою и будущей семьей. Сохранился замѣчательный отрывокъ Пушкина, относимый къ 1830 г., который носитъ несомнѣнно автобіографическій характеръ. Чтобы зашифровать этотъ личный моментъ въ немъ, Пушкинъ сопроводилъ его заглавіемъ: «Съ французскаго». Герой этого отрывка пишетъ: «Участь моя рѣшена. Я женюсь . . . Та, которую любилъ я цѣлыхъ два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которой встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ, — Боже мой, она почти моя. Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе послѣдней замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ — все это въ сравненіи съ нимъ ничего не значитъ . . . Жениться! легко сказать . . . Я женюсь, т. е. я жертвую независимостію, моей безпечной, прихотливой независимостію, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ, непостоянствомъ. Итакъ, я удвоиваю жизнь и безъ того неполную, я стану думать: мы. Я никогда не хлопоталъ о счастіи: я могъ обойтись безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его».

Въ Пушкинѣ съ необычайной силой проснулись чувство отвѣтственности и сознаніе долга. А. П.

Кернъ писала о немъ въ это время: «Въ этотъ пріѣздъ Пушкинъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ: онъ былъ серьезенъ, важенъ, какъ слѣдовало человѣку съ душою, принимавшему на себя обязанность счастливить другое существо». Это другое существо — его невѣста, Наталья Николаевна, вѣроятно, значительно проще воспринимала предстоящую перемѣну въ своей судьбѣ. Женитьба для нея была прежде всего освобожденіемъ изъ родительскаго дома, гдѣ она не могла себя чувствовать счастливой. Мать ея, будущая теща поэта, Наталья Ивановна не отличалась пріятнымъ характеромъ. «Наталья Ивановна была довольно умна и нѣсколько начитана, говоритъ одна изъ ея современницъ (кн. Е. А. Долгорукова), но имѣла дурныя, грубыя манеры и какую то пошлость въ правилахъ... Въ Москвѣ она жила почти бѣдно, и когда Пушкинъ приходилъ къ ней въ домъ женихомъ, она всегда старалась выпроводить его до обѣда или завтрака. Дочерей своихъ била по щекамъ. На балы онѣ иногда пріѣзжали въ изорванныхъ башмакахъ и старыхъ перчаткахъ...» Отецъ невѣсты, Николай Аѳанасьевичъ Гончаровъ, никакой роли въ домѣ не могъ играть, такъ какъ къ тому времени онъ былъ человѣкомъ душевно больнымъ. Его болѣзнь дѣлала жизнь въ семьѣ, и безъ того не веселой, еще труднѣе. Понятно, что молодая дѣвушка, обратившая на себя вниманіе свѣта своей исключительной красотой, должна была тяжело переживать домашнюю обстановку, полную неладовъ и дрязгъ. Мать, мечтавшая о блестящей партіи для своей дочери, не была въ большомъ восторгѣ отъ предстоящаго брака, но дочери, молоденькой, 18-тилѣтней барышнѣ, любовь Пушкина, имя котораго было широко извѣстно, должна была льстить. Она, вѣроятно, безъ особаго увлеченія, но совершенно искренне и честно связывала свою судьбу съ судьбою Пушкина. По своему, она была счастлива и хотѣла счастья своему будущему мужу. До сознанія отвѣтственности, которая падала и на нее, она не доросла и по складу своего характера дорасти не могла.

Не могла Пушкина не безпокоить и матеріальная

сторона предстоящей семейной жизни. Вокругъ вопроса о приданомъ возникаетъ рядъ непріятностей со стороны матери невѣсты. Свадьбу пришлось отложить сначала из-за неожиданной смерти дяди Пушкина, Василія Львовича. Потомъ послѣдовала ссора съ Натальей Ивановной, которая едва не разстроила женитьбу. «Я еще не знаю, пишетъ Пушкинъ, разстроилась-ли женитьба, но поводъ къ этому на лицо, и я оставляю двери широко раскрытыми . . .» Чтобы выяснить свое матеріальное положеніе, Пушкинъ рѣшаетъ лично заняться приведеніемъ въ порядокъ полученнаго имъ отъ отца имѣнія въ Нижегородской губерніи. Въ какомъ настроеніи онъ туда ѣхалъ, показываетъ письмо невѣстѣ, написанное въ концѣ августа: «Я отправляюсь въ Нижній, безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если Ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подъ всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести своему рѣшенію, даже въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права, и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться». Своему другу, П. А. Плетневу онъ пишетъ передъ самымъ отъѣздомъ 31-го августа письмо, полное грусти и тревоги: «Сейчасъ ѣду въ Нижній, т. е. въ Лукіяновъ, въ село Болдино . . . Милый мой, разскажу тебѣ все, что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго, хуже 30-ти лѣтъ жизни игрока. Дѣла будущей тещи моей разстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же московскія сплетни доходятъ до ушей моей невѣсты и ея матери — отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія, — словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ. Осень под-

ходитъ. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ — пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, — а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень утѣшно. Ѣду въ деревню. Богъ вѣсть буду-ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго. Такъ то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно было мнѣ довольствоваться независимостію, которой обязанъ былъ Богу и тебѣ. Грустно, душа моя . . .»

Въ такомъ душевномъ состояніи Пушкинъ выѣзжаетъ въ Болдино въ началѣ сентября. Уже въ пути онъ узнаетъ, что въ окрестностяхъ Нижняго началась эпидемія холеры. Въ тѣ времена холера была страшнымъ бѣдствіемъ, борьба съ которымъ велась самыми примитивными средствами. Зараженныя мѣстности отрѣзались отъ остального свѣта цѣпью карантиновъ. Кто былъ захваченъ въ кольцѣ заставъ, не могъ уже изъ него выбраться. «Если бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, сообщаетъ позже Пушкинъ своей невѣстѣ, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ, что холера опустошаетъ Нижній. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ». Въ послѣднихъ строкахъ есть намекъ на то, что «Пиръ во время чумы», возникшій въ періодъ болдинскаго заточенія Пушкина, является не только свободнымъ переводомъ драмы Вильсона, но и содержитъ моменты личныхъ переживаній и раздумій поэта. Еще яснѣе это видно изъ замѣтки Пушкина о холерѣ: «Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію между азіатцами, пишетъ Пушкинъ въ автобіографической замѣткѣ 1831-го года, говоря о поѣздкѣ въ мѣста, охваченныя эпидеміей холеры. Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно

говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество. На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой... Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ, можетъ быть, случалось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадой и большой неохотой».

Пріѣхавъ въ деревню, Пушкинъ нѣсколько поуспокоился. На него природа всегда вліяла благотворно, особенно осенью. Возвращается къ нему и способность ироніей сгладить свое внутреннее безпокойство. «Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись, пишетъ онъ Плетневу 9-го сентября изъ Болдина, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня колера морбусъ... Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена свой братъ. При ней пиши сколько хошь. — А невѣста хуже цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ...»

Что же представляла изъ себя деревня, куда попалъ Пушкинъ и гдѣ ему суждено было провести въ полномъ одиночествѣ осень 1830 года?

Село Болдино, Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, говоритъ его описатель, «расположено на пригоркѣ, съ пологимъ скатомъ по направленію къ сосѣднему селу Ларіонову. Избы, какъ въ большинствѣ селеній этой полосы, крыты соломой, и самое село, благодаря этому имѣетъ видъ бѣдной, глухой деревушки... Вокругъ Болдина мѣстность степная, безлѣсная, встрѣчаются лишь небольшія рощицы изъ дубняка и осинника... Старый барскій домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ, по показанію старожиловъ, находился на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ барская усадьба... Это былъ небольшой одноэтажный домъ, съ деревянной крышей, съ чернымъ дворомъ и службами, обнесенный мелкимъ дубовымъ частоколомъ. Кругомъ дома былъ пустырь: ни цвѣтниковъ, ни сада; невдалекѣ отъ дома находился только небольшой прудъ, да виднѣлись три деревца... Изъ оконъ дома открывался унылый видъ на крестьянскія соломенныя избы...»

Этотъ «унылый видъ» прекрасно воспроизведенъ Пушкинымъ въ стихотвореніи «Шалость» («Румяный критикъ мой . . .»), написанномъ въ октябрѣ 1830 г.:

«Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогой,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогой,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ нивы свѣтлыя? гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора.
Два только деревца. И то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
И листья на другомъ размокнувъ и желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, лишь только ждутъ Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ,
Безъ шапки онъ; несетъ подмышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ.
Скорѣй! ждать некогда! давно бы схоронилъ!»

Такъ отъ «унылой природы» Пушкинъ переходитъ мыслями къ еще болѣе убогой жизни, открывшейся его глазамъ въ деревнѣ. Внутреннее душевное настроеніе соотвѣтствовало этой обстановкѣ и еще сильнѣе укрѣплялось ею. Совпало оно и съ перемѣнами въ художественныхъ вкусахъ поэта. Романтизмъ все болѣе уступалъ мѣсто трезвому реализму. Романтикѣ красочнаго юга противопоставляется реализмъ скромнаго, но дорогого сердцу «сѣренькаго» сѣвера. Въ одномъ изъ отрывковъ къ «Евгенію Онѣгину» это противопоставленіе находитъ у Пушкина счастливое выраженіе:

«Какія-бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились . . .
Миръ вамъ, тревоги прежнихъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ.
И безыменныя страданья . . .
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

* * *

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ —
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка ,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой...“

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этихъ строкахъ къ «Онѣгину», не нашедшихъ себѣ мѣста въ окончательномъ текстѣ романа, отразилось внутреннее настроеніе Пушкина той поры. Мечта о покоѣ и душевномъ мирѣ, которые ему должна была принести семейная жизнь, была ему особенно дорога. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно вспоминалось прошлое, всплывали въ памяти минувшія увлеченія, воспоминаніе развивало передъ нимъ «свой длинный свитокъ». Къ этому намъ еще придется вернуться. Пока отмѣтимъ, что въ Пушкинѣ наблюдается большая тяга къ простотѣ и отказъ отъ романтическаго воспріятія окружающаго. Соблазны былого индивидуализма отходятъ въ прошлое. Соотвѣтственно и въ творчествѣ берутъ верхъ «прозаическія бредни, фламандской школы пестрый соръ».

Деревенское одиночество было на первыхъ порахъ цѣлительно. Съ новою силою пробуждается жажда къ творчеству. Пока Пушкинъ ее только еще ощущаетъ, какъ нарастающую силу. «Ахъ, милый мой! пишетъ онъ Плетневу, что за прелесть здѣшняя деревня! Сообрази: степь да степь; сосѣдей ни души; ѣзди верхомъ сколько душѣ угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины, и прозы, и стиховъ». Однако, безпокойство и опасеніе за будущее не покидаютъ поэта. Онъ то и дѣло возвращается мыслью къ предстоящей женитьбѣ, которая временами кажется ему неосуществимой. Назрѣваетъ рѣшеніе пробраться въ Москву, преодолѣвъ всѣ трудности. «Вотъ въ чемъ было дѣло, сооб-

щаетъ онъ все тому же Плетневу 29 сентября. Теще моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупыя ссоры; и это бѣсило меня. Хандра схватила меня, и черныя мысли мной овладѣли. Неужто я хотѣлъ иль думалъ отказаться? но видѣлъ ужъ отказъ, и утѣшался чѣмъ ни попало. Все что ты говоришь о свѣтѣ справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобъ тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ, но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная луна*) ect. Баратынскій говоритъ, что въ женихахъ счастливъ только дуракъ; а человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ одинъ я — а тутъ онъ будетъ мы. Шутка!.. окончa дѣла мои ѣду въ Москву сквозь цѣлую цѣпь карантиновъ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ не видя ни души, не читая журналовъ...»

Отрѣзанность отъ Москвы, отсутствіе писемъ, невозможность слѣдить за событіями, а главное тревога за невѣсту и сознаніе своего безсилія все больше и больше волновали Пушкина. 30-го сентября онъ пишетъ невѣстѣ взволнованныя строки: «Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ — мы только и видимъ это.**) Я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами, — развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать...». Не удивительно, что Пушкинъ именно въ это время особенно задумывается надъ проблемой судьбы, надъ безсиліемъ человѣка передъ нею, надъ властью случая надъ нами. Однако, войдя въ творческую работу, чему содѣйствовало деревенское одиночество, онъ не даетъ себя изъ нея выбить. Въ письмѣ невѣстѣ отъ 11-го октября мы нахо-

*) Этой цитатой Пушкинъ напоминаетъ свои же стихи о женскомъ непостоянствѣ изъ «Цыганъ».

**) Напечатанное разрядкой въ оригиналѣ по французски.

димъ прямое указаніе на то, что Пушкинъ усиленно пишетъ. «Въѣздъ въ Москву запрещенъ, сообщаетъ онъ о новомъ препятствіи, — и вотъ я запертъ въ Болдинѣ... Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать? Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ) нашей свадьбѣ не бывать... Мы... окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ...*) Я становлюсь совершеннымъ идіотомъ; какъ говорится, до святости». Но, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ Пушкинъ становится нетерпѣливѣе. Изъ Москвы доходятъ тревожные слухи о проникшей туда эпидеміи. Отецъ сообщаетъ ему о томъ, что свадьба его будто-бы окончательно разстраивается. Пушкинъ мечется и не знаетъ, что ему дѣлать. Ему теперь уже не до писанія стиховъ: «хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать, пишетъ онъ Плетневу въ концѣ октября, но до того доходитъ, что хоть въ петлю... Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хоть осень чудная и дождь и снѣгъ и по колѣно грязь...» Онъ, наконецъ, рѣшаетъ во что бы то ни стало прорваться въ Москву. Ему удается миновать рядъ карантинныхъ заставъ, но подъ Москвой онъ самъ попадаетъ въ карантинъ, гдѣ ему предстоитъ просидѣть двѣ недѣли. Отсюда онъ успѣваетъ дать знать о себѣ невѣстѣ: «Вотъ и я въ карантинѣ, съ перспективою остаться въ плѣну 14 дней — послѣ чего я надѣюсь быть у Вашихъ ногъ... я въ карантинѣ и въ эту минуту не желаю ничего больше. Вотъ до чего мы дожили — что рады, когда насъ на двѣ недѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу на хлѣбъ да на воду».**) Это письмо писано 2-го декабря. Черезъ три дня, 5-го декабря Пушкинъ былъ «у ногъ» Натальи Николаевны. Своему другу, Плетневу онъ радостно сообщаетъ

*) Выдѣлено Пушкинымъ. **) Тоже.

9-го декабря: «Милый! я въ Москвѣ съ 5-го декабря...»

Таковы внѣшніе факты изъ жизни Пушкина осени 1830 года. Болдино — это три мѣсяца (отъ 1-2 сент. до 5-го дек.) деревенской жизни, внѣ связи съ міромъ, полные душевныхъ тревогъ, но и полные творческихъ раздумій. Болдинская осень — это три мѣсяца напряженнаго творчества, когда созданы были величайшія произведенія Пушкина. Болдино — это одна изъ знаменательнѣйшихъ страницъ біографіи геніальнаго поэта.

2.

Изъ всѣхъ временъ года, Пушкинъ больше всего любилъ осень. «Осенью онъ обыкновенно удалялся на два и три мѣсяца въ деревню, чтобы писать и не быть развлекаемымъ. Въ деревнѣ онъ велъ всегда одинаковую жизнь; весь день проводилъ въ постелѣ съ карандашомъ въ рукахъ, занимался иногда до 12 часовъ въ день, по утру освѣжался холодною ванною, передъ обѣдомъ, несмотря даже на непогоду, скакалъ нѣсколько верстъ верхомъ, и когда уставшая подъ вечеръ голова требовала отдыха, онъ игралъ одинъ на бильярдѣ или призывалъ съ разсказами свою старую няню... Ибо, какъ скоро пріѣзжалъ онъ въ деревню, онъ писалъ, не зная ни дня, ни ночи...»

Въ стихотвореніи «Осень» («Октябрь ужъ наступилъ...», 1830-1833) Пушкинъ съ удивительной художественною силою передалъ, какъ именно осень вызываетъ въ немъ напряженіе всѣхъ творческихъ силъ:

«Дни поздней осени бранятъ обыкновенно,
Но мнѣ она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Въ ней много добраго; любовникъ не тщеславной,
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной,
Я нѣчто въ ней нашелъ мечтою своенравной.

. . . .

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса —

Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленные сѣдой зимы угрозы.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь.
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ — я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ — таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ)...

. . . .

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ,
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ,
Но чу! — матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись, вѣтра полны;
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны...»

Болдинская осень 1830 года не была исключеніемъ. Уже 4-го ноября Пушкинъ писалъ барону А. А. Дельвигу, издателю «Литературной Газеты»: «Посылаю тебѣ, Баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго, и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ... Скажи Плетневу, что онъ расцаловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе...»

Въ этомъ письмѣ очень характерны «рыцарскія»

реминисценціи. Почти весь циклъ «болдинскаго» періода пронизанъ рыцарскими мотивами.

Никогда Пушкинъ въ своемъ творчествѣ не достигалъ такого напряженія и такой производительности, какъ въ эту «дѣтородную осень» 1830 г. Едва-ли въ жизни другого писателя можно указать случай, когда за короткій срокъ менѣе трехъ мѣсяцевъ было создано столько совершенно исключительныхъ по своему значенію и столь разнообразныхъ по своему характеру произведеній. Пушкинъ точно торопился въ эту осень использовать благопріятныя условія, въ которыя его поставилъ случай, этотъ капризный вершитель человѣческой судьбы. Сыгравъ съ нимъ злую шутку, доведя его почти до отчаянія невозможностью вернуться въ Москву, къ горячо любимой невѣстѣ, этотъ же случай, съ другой стороны, далъ ему возможность еще разъ отдаться творческому воображенію, поэтически вновь пережить и осмыслить прошлое и настоящее. Самъ Пушкинъ видно былъ пораженъ, когда оглянулся назадъ и увидѣлъ, какой урожай имъ былъ собранъ въ болдинскую осень. Уже вернувшись въ Москву и снова втянутый въ семейныя непріятности съ будущей тещей, Пушкинъ спѣшитъ подѣлиться съ П. А. Плетневымъ своими литературными новостями: «Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: 2 послѣднія главы Онѣгина, 8-ю и 9-ю, совсѣмъ готовыя въ печать. Повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ Anonyme. Нѣсколько драматическихъ сценъ, или маленькихъ трагедій, имянно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Д. Жуанъ. Сверхъ того написалъ около 30 мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное)*). Написалъ я прозою 5 повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется и — которыя также Anonyme —

*) Сноска Пушкина: «Для тебя единаго».

подъ моимъ имянемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ . . .».

Итакъ — оконченъ «Евгеній Онѣгинъ», написаны «Домикъ въ Коломнѣ», маленькія трагедіи: «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Каменный гость», «Повѣсти Бѣлкина» и, наконецъ, рядъ мелкихъ стихотвореній, среди которыхъ находятся такіе шедевры пушкинской лирики, какъ «Бѣсы» («Мчатся тучи, вьются тучи . . .»), «Элегія» («Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье . . .»), «Въ послѣдній разъ твой образъ милый . . .», «Заклинаніе» («О, если правда, что въ ночи . . .»), «Стихи, сочиненные ночью во время безсонницы» («Мнѣ не спится, нѣтъ огня»), «Для береговъ отчизны дальной . . .». Но это еще далеко не все — въ болдинскую осень, кромѣ того, было написано много стихотворныхъ набросковъ, критическихъ и полемическихъ статей, записи многихъ народныхъ пѣсенъ.

Но важна не только эта количественная и качественная сторона творчества Пушкина болдинской осени. Еще больше поражаетъ необычайная внутренняя связанность, сконцентрированность творчества вокругъ нѣсколькихъ темъ и проблемъ. Произведенія Пушкина этого періода образуютъ какъ-бы центральный узелъ во всемъ его творчествѣ. Пушкинъ какъ бы подводитъ въ немъ итоги прошлому и прокладываетъ пути въ будущее. Лирика, драма и проза составляютъ еще гармоническое цѣлое, но уже намѣчается путь къ прозѣ, которой суждено было въ будущемъ играть доминирующее значеніе. Въ послѣднее время склонны толковать это тяготѣніе Пушкина къ прозѣ, какъ «необходимую и неизбѣжную уступку» требованіямъ времени. «Проза, какъ эхо времени, какъ отзвукъ требованій новаго читателя, новой соціальной группы, входящей въ культуру, предъявляла свои права, — и отвернуться отъ нея писателю, желавшему оставаться въ живыхъ и сохранить какую-бы то ни было связь

съ современностью, не было возможности.*) Врядъ-ли это объясненіе вѣрно. Общее тяготѣніе Пушкина къ простотѣ и точности, стремленіе къ возможной языковой экономіи намѣтилось у Пушкина ранѣе 30-хъ годовъ, а именно оно то и вело Пушкина къ прозѣ. Съ другой стороны, въ памятномъ 1830-мъ году, когда завязываются основные узлы послѣдняго періода его творчества, на первый планъ выступаетъ не проза, а драма. «Маленькія трагедіи», какъ мы увидимъ далѣе, являются ключомъ къ творчеству Пушкина этого времени. Проза, въ первую очередь «Повѣсти Бѣлкина», какъ бы проецированы на маленькія трагедіи. Ихъ до извѣстной мѣры «пародійный» оттѣнокъ показываетъ, что «высокое» искусство Пушкинъ по-прежнему отмежевывалъ поэзіи. Во всякомъ случаѣ, болдинская осень являетъ намъ необычайное единство пушкинскаго творчества. Это единство можно прослѣдить и на лирикѣ, и на драмахъ, и на прозѣ.

3.

Пушкинская лирика болдинской осени распадается на нѣсколько цикловъ. Изъ нихъ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе «любовный циклъ» 1830 г. Это замѣчательная «трилогія»: «Заклинаніе» («О, если правда, что въ ночи...»), «Для береговъ отчизны дальной...» и «Въ послѣдній разъ твой образъ милой...»

«Всѣ эти произведенія, пишетъ П. Е. Щеголевъ, закончены Пушкинымъ осенью 1830 г., когда поэтъ сидѣлъ, окруженный карантинами, въ своемъ Болдинѣ, вдали отъ своей невѣсты, Н. Н. Гончаровой. Настроеніе Пушкина было тревожное; для характеристики интимной жизни поэта важно то, что передъ свадьбой онъ обращался мыслью не къ будущей своей женѣ, а къ памяти другой, умершей женщины. Можно предполагать, по психологическимъ соображеніямъ, что всѣ три стихотворенія обращены къ одному лицу и въ

*) Л. Мышковская. Литературныя проблемы пушкинской поры. М. 1934, стр. 140.

такомъ случаѣ составляютъ превосходную лирическую трилогію».*) Не будемъ здѣсь останавливаться на вопросѣ, чьей же памяти мы обязаны этой исключительной по напряженію лирическаго чувства трилогіи. Есть много основаній относить ее къ Амаліи Ризничъ, одесской любви поэта. П. Е. Щеголевъ склоненъ отрицать это. Важнѣе, чѣмъ эта автобіографическая подкладка, представляется намъ анализъ той психологической подосновы, на которой выросли эти стихи. Ихъ всѣхъ объединяетъ память прошлаго. Для Пушкина очень характерно, что въ періодъ, когда онъ вступалъ на новый путь, когда какъ-бы навѣки рвалъ со своимъ прошлымъ, онъ не просто отъ него отворачивался, не отрекался отъ него, а утверждалъ за нимъ внутреннюю правду. Вѣдь въ утвержденіи «вѣрности» прошлому заключается и смыслъ замѣчательнаго «Воспоминанія» («Когда для смертнаго умолкнетъ . . .») 1828 г., съ его памятными заключительными словами:

«И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.»

Пушкинъ разставался съ прошлымъ (не случайно стих. «Въ послѣдній разъ твой образъ милой . . .» носило заглавіе «Разставаніе»), но не измѣнялъ ему. Печать внутренняго благородства лежитъ на всемъ творчествѣ поэта. Обращаясь мысленно къ прошлому, вызывая въ памяти образы минувшаго, онъ невольно подпадаетъ силѣ своего воображенія. Поражаетъ напряженность чувства, почти страстность стиховъ, посвященныхъ памяти умершей. Обыкновенно «Заклинаніе» Пушкина приводится въ доказательство того, что Пушкину не были чужды мистическіе мотивы. Мнѣ кажется, это стихотвореніе болѣе показательно для утвержденія другого положенія. Пушкинъ трудно мирился со смертью, съ трудомъ себѣ представлялъ возможность ухода въ иное бытіе, потерю реальности. Отсюда наивная, почти языческая вѣра въ возможность реальнаго свиданія, новой встрѣчи, которая да-

*) П. Е. Щеголевъ. Очерки, изд. 2-е, ст. 221—222.

ется **преодолѣніемъ смерти черезъ вообраценіе.**

Отъ «Заклинанія» тянутся нити къ «Каменному Гостю», гдѣ появленіе статуи Командора отвѣчаетъ въ какой-то степени внутреннему настроенію Пушкина той поры. Слова «Заклинанія», обращенныя къ тѣни усопшей:

«Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно, сюда! сюда!...»

звучатъ почти столь же кощунственно, какъ и приглашеніе статуи Командора:

«Я, командоръ, прошу тебя придти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ...“

Но въ «Заклинаніи» вызовъ потусторонней тѣни обусловленъ напряженнымъ воспоминаніемъ о прошлой любви и готовностью на любую жертву, чтобы ее вернуть. Повелительно, какъ заклинательная формула, звучатъ послѣднія слова заклинанія:

«...... тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда».

Въ «Каменномъ Гостѣ» вызовъ брошенъ въ упоеніи побѣдой, въ ожиданіи предстоящаго свиданія, котораго уже никакая сила, даже и потусторонняя, отнять не можетъ. Но слово, пусть и легкомысленно сказанное, отвѣчающее внутреннему напряженію, сохраняетъ свою заклинательную силу. «Ужасное видѣніе» становится реальностью, и Донъ-Гуанъ гибнетъ. Не вѣетъ-ли дуновеніемъ гибели и отъ «Заклинанія», въ которомъ мотивы смерти и любви такъ-же тѣсно сплетены, какъ и во многихъ другихъ твореніяхъ болдинской осени?

Въ болѣе смягченныхъ, элегическихъ тонахъ тотъ же мотивъ преодолѣнія смерти черезъ воображеніе повторенъ въ замѣчательной пьесѣ «Для береговъ отчизны дальной...». Здѣсь планы реальнаго и мистическаго перемѣщены. Разлука сближается со смертью, а

смерть снова безсильна передъ любовью. Но изъ «міра изгнанья» ея торжество перенесено въ «міръ иной». Замѣчательно, что поэтъ сохраняетъ и для этого «иного міра» всю напряженную страстность любовнаго чувства:

«Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
А съ ними поцѣлуй свиданья...
Но жду его; онъ за тобой...»

Если силой воспоминанія можно побѣдить смерть, то забвеніе почти равно смерти. Въ стихотвореніи «Въ послѣдній разъ твой образъ милый...» нѣтъ прямого указанія на реальную смерть любимой. Но въ силу того, что чувство ослабѣло, что забвеніе вступаетъ въ свои права, образъ любимой заволакивается «могильнымъ сумракомъ». Благодарная память поэта на этотъ разъ не въ силахъ вернуть «сердечной силой» прошлаго, но все-же передъ окончательной разлукой шлетъ свое прощаніе любимой:

«Прими же, дальная подруга
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга,
Передъ изгнаніемъ его...“

Для болдинскаго періода характерна общая серьезность, проникающая это стихотвореніе, вытекающая изъ сознанія «новаго пути», на который поэтъ вступалъ. Прощаніе съ прошлымъ ведетъ, съ одной стороны, къ воспоминаніямъ о минувшемъ, съ другой, вызываетъ раздумье надъ общими вопросами человѣческаго существованія.

Лирикой встревоженной памяти можетъ быть названа замѣчательная «Элегія» 1830 г. («Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье...»). Воспоминанія о прошломъ тѣсно связаны съ мыслями о будущемъ. Правъ М. О. Гершензонъ, когда говоритъ, что «нельзя безъ волненія читать эти строки». Злыя предчувствія тѣснятъ душу поэта. Суровая правда жизни заглянула ему въ глаза. Но сколько мужества и трезваго пріятія жизни

во всей ея сложности слышится въ заключительныхъ словахъ элегіи:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезою обольюсь,
И, можетъ быть — на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.»

Эта одновременная обращенность къ прошлому и будущему очень ярко сказалась въ извѣстныхъ «Стихахъ, сочиненныхъ ночью, во время безсонницы»:

«Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
Всюду мракъ и сонъ докучный.
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопотъ.
Укоризна или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я въ тебѣ ищу...»*)

На почвѣ такой напряженной душевной дѣятельности въ творчествѣ Пушкина этой поры лирика чувства все больше и больше уступаетъ лирикѣ раздумія и припоминанія прошлаго, которая на высшей ступени обобщенія становится лирикой философскаго осмысленія жизни.

Поэтическая мысль не только обращается назадъ, къ своему прошлому, но стремится заглянуть въ глубь вѣковъ, связавъ это прошлое со своимъ происхожденіемъ, съ родовой наслѣдственностью. Мы знаемъ, что Пушкинъ никогда не былъ равнодушенъ къ своему происхожденію, что онъ гордился своимъ «шестисот-

*) Текстъ принятый въ послѣднихъ изданіяхъ Пушкина. Традиціонное окончаніе звучитъ: «Темный твой языкъ учу...»

лѣтнимъ дворянствомъ» и считалъ неуваженіе къ своему прошлому позорной чертой. Но въ 1830-хъ годахъ, на почвѣ обостренія чувства чести и личнаго достоинства, онъ особенно склоненъ былъ подчеркивать свое происхожденіе отъ стариннаго боярскаго рода, многіе представители котораго отличались «упрямства духомъ» и независимостью. «Моя родословная» («Смѣясь жестоко надъ собратомъ...»), написанная въ 1830 г., является результатомъ именно такого обостреннаго чувства чести, окрашивающаго все творчество болдинской осени. Цѣлый стихотворный циклъ можетъ быть подведенъ подъ понятіе «лирики рыцарской вѣрности». Сюда, прежде всего, должна быть отнесена «Легенда» («Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный . . .»).*) Это ранняя редакція знаменитого «Бѣднаго Рыцаря», вошедшаго позже въ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ». Въ этой редакціи еще много конкретныхъ чертъ средневѣковой легенды, но и въ ней центральная идея «Рыцаря бѣднаго», такъ плѣнившая кн. Мышкина въ «Идіотѣ» Достоевскаго, нашла свое полное выраженіе. Вѣрность «до гроба» мечтѣ, способность во имя ея отрѣшиться отъ всего, своеобразное донкихотство, доведенное до высшаго напряженія, до экстаза — все это дѣлаетъ «Легенду» Пушкина однимъ изъ наиболѣе сильныхъ его стихотвореній. Съ оттѣнкомъ легкой ироніи, но съ нескрываемымъ чувствомъ симпатіи та же черта рыцарской вѣрности нашла выраженіе въ стихотвореніи «Пажъ или пятнадцатый годъ».

Въ непосредственной связи съ этими рыцарскими реминисценціями стоятъ стихи Пушкина, которые можно объединить въ циклъ «лирики ухода въ мечту и фантазію». Въ нихъ сказалась

*) М. Цявловскій, редакторъ лирики въ изданіи 1931 года, относитъ «Легенду» къ 1829 г. С. А. Венгеровъ и др. датируютъ ее болдинской осенью 1830 г. Если даже М. Цявловскій правъ въ своей датировкѣ, это не мѣняетъ ни въ чемъ существенномъ нашего построенія, такъ какъ «болдинскіе мотивы» складывались въ творчествѣ Пушкина постепенно. Надо напомнить, что къ 1829 году относится первое предложеніе Пушкина Н. Н. Гончаровой и отъѣздъ на Кавказъ, вызванный глубокой душевной тоской, связанной съ его неудачей.

ужъ столько разъ отмѣчавшаяся способность перевоплощенія Пушкина. Такія пьесы, какъ «Я здѣсь Инезилья . . .», «Предъ испанкой благородной . . .», конечно, тѣсно связаны съ «рыцарской лирикой» Пушкина. Въ нихъ только личное глубоко скрыто подъ формой объективной лирики. Въ этомъ отношеніи онѣ примыкаютъ къ «маленькимъ трагедіямъ», гдѣ процессъ объективаціи поднятъ на еще большую высоту. Но и въ такихъ объективныхъ проявленіяхъ пушкинской лирики личное просвѣчиваетъ и можетъ быть вскрыто на фонѣ общей картины творчества Пушкина. «Пью за здравіе Мери . . .» съ послѣдней строфой:

«Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери»

проникнуто тѣмъ же чувствомъ благоволенія, какъ и насквозь субъективное «Въ послѣдній разъ твой образъ милой . . .»*)

На фонѣ общихъ мотивовъ творчества болдинской осени по иному воспринимается и трогательное, въ духѣ народномъ выдержанное «Какъ весенней теплою порою . . .». «Мужикъ со рогатиной» и «мѣшкомъ за плечьми», такъ внезапно и такъ жестоко обрывающій счастье «медвѣдихи со малыми дѣтушками медвѣжатами», невольно сопоставляется съ судьбой-рокомъ, которую Пушкинъ однажды сравнилъ съ «огромной обезьяной, которой дана полная воля». Проблема рока, вѣдь, одна изъ центральныхъ проблемъ болдинской осени. Тема «семейственности» и «супружеской вѣрности» столь же неожиданно оказалась связанной съ пѣснью «о медвѣдихѣ». Горе «медвѣдя чернобурова», потерявшаго свою «медвѣдиху-сударушку», едва-ли не является дальнѣйшимъ развитіемъ семейственнаго «идеала» Пушкина, самого мечтавшаго о «хозяйкѣ» и домашнемъ очагѣ. Отсюда и та исклю-

*) То, что эта пьеса является отдаленнымъ подражаніемъ Барри Корнуолю, ничего не мѣняетъ въ нашемъ утвержденіи.

чительная задушевность и теплота, которая пронизываетъ пѣсню «о медвѣдихѣ». Вспомните хотя-бы замѣчательный «плачъ», вложенный въ уста медвѣдя:

«Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!
На кого ты меня покинула,
Вдовца несчастнаго,
Вдовца горемычнаго?
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,
Милыхъ дѣточекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати, не баюкати...»

Этотъ по-истинѣ шедевръ пушкинской народно-объективной лирики, который, между прочимъ, такъ высоко ставилъ Достоевскій, насквозь пронизанъ субъективнѣйшими личными настроеніями Пушкина.

На высшей ступени объективаціи, поражающей чувствомъ внутренней гармоніи и успокоенности, стоятъ перепѣвы классической музы Пушкина: «Царско-сельская статуя...», «Риѳма», «Отрокъ», «На переводъ Иліады», «Трудъ».

Для характеристики внутренней связи объективной лирики Пушкина съ міромъ его личныхъ переживаній особенно показательно во многомъ загадочное стихотвореніе «Въ началѣ жизни школу помню я...». Написанное терцинами, съ обозначеніемъ «Подражаніе Данту», съ развернутымъ объективнымъ содержаніемъ, въ которомъ воспоминанія дѣтства отнесены къ эпохѣ поздняго Возрожденія, это стихотвореніе въ то же время такъ пронизано личными воспоминаніями, что невольно подпадаешь иллюзіи, что передъ нами Пушкинъ-юноша въ садахъ Царскаго Села, о которыхъ онъ смѣло могъ сказать:

«Тамъ нѣжила меня тѣней прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой юный умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки въ мраморныхъ рукахъ,
На главахъ лавры, на плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ...»

Если не придавать этому стихотворенію такого исключительнаго значенія, какъ это дѣлаетъ Д. С. Мережковскій, вскрывая въ немъ «аполлоновское» и «діонисовское» начало, какъ ключъ ко всему творчеству Пушкина, то все же не случайно оно написано въ болдинскій періодъ, когда пишутся «маленькія трагедіи», въ которыхъ полярность человѣческой природы нашла такое глубокое выраженіе.

Уходъ Пушкина въ прошлое легко объясняется тѣмъ, что онъ временами сгибался подъ тяжестью настоящаго. Онъ невольно предавался «насъ возвышающему обману», чтобы уйти отъ «тьмы низкихъ истинъ» («Герой»). Но временами тьма сгущалась, казалось, что судьба безсмысленно кружитъ имъ. «Судьба и людская толпа, какъ онъ уже давно о нихъ мыслилъ, сплелись вокругъ него въ бѣсовской пляскѣ: такъ представилось ему теперь положеніе; этотъ образъ жизни онъ и нарисовалъ въ «Бѣсахъ». Въ «Бѣсахъ», говоритъ М. Гершензонъ, вскрывая субъективный пластъ этого стихотворенія, онъ неподражаемо выразилъ щемящее чувство, которое охватываетъ каждаго человѣка на трудномъ распутьи, когда жутко ему смотрѣть впередъ «на черный отдаленный путь», когда «тоска, предчувствіе, заботы тѣснятъ его всечасно грудь».*) Но въ «Бѣсахъ» Пушкинъ поднимается на высоту философской лирики, гдѣ личное сгущается въ символъ безсилія человѣка передъ слѣпой стихіей, гдѣ съ неповторяемой силой выражено чувство жути человѣка, поставленнаго лицомъ къ лицу съ судьбою.

4.

«Евгеній Онѣгинъ» былъ оконченъ въ ту-же болдинскую осень. Позади лежалъ долгій (не по годамъ, а по внутреннему духовному и поэтическому росту)

*) «Мудрость Пушкина», 131, 132.

путь. Недаромъ открывается 8-ая глава романа воспоминаніемъ о прошломъ. Первыя строфы 8-й главы въ этомъ отношеніи вполнѣ отвѣчаютъ общему характеру пушкинской лирики этого времени. Позади были не только юношескіе годы Лицея, не только время «пировъ и буйныхъ споровъ» періода «Зеленой Лампы», но и красочная романтика Кавказа и южнаго берега Крыма. Но именно эта романтика, съ ея напряженностью чувства, съ соблазномъ титаническаго байронизма, съ язвительными нашептываніями скептическихъ рѣчей «демона» была къ этому времени преодолена Пушкинымъ. Муза обернулась къ нему инымъ ликомъ. Интересно отмѣтить, какъ въ сознаніи Пушкина эта внутренняя перемѣна связана съ чувствомъ внезапности, неожиданности:

«Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ...»

Мы знаемъ, какъ «барышня уѣздная», пушкинская Татьяна, въ этой послѣдней главѣ неожиданно выростаетъ, какъ неизмѣримо глубже оказывается ея духовный міръ, ея нравственный закалъ по сравненію съ Евгеніемъ Онѣгинымъ. Но общее «благоволеніе», которымъ такъ характерна лирика Пушкина, не даетъ ему при разставаніи со своимъ «путникомъ страннымъ» перейти въ сатиру или стать на моральныя ходули. Вѣдь въ Онѣгинѣ далеко не все было чуждо Пушкину, вѣдь прощаясь съ нимъ, онъ прощался также и со своимъ прошлымъ. Пушкинъ прекрасно понималъ, что судьба Онѣгина трагична, что только въ трудѣ и творческомъ усиліи ему самому удалось найти выходъ изъ того тупика, въ который его загоняла жизнь. Отсюда тотъ налетъ грусти и дружескаго сочувствія, которымъ овѣяны прощальныя строки, связанныя съ Онѣгинымъ:

«Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана.
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;

Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой...»

Но развѣ это раздумье надъ обманутой молодостью не перекликается многократно съ лирикой Пушкина? И не будь въ Пушкинѣ благостнаго пріятія жизни, съ ея разочарованіями и страданіями, онъ неизбѣжно пошелъ бы самъ путемъ Онѣгина. Трудно съ большею силою передать конечную безсмысленность жизни Онѣгина:

«Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ,
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ...»

Поражаетъ въ этихъ строкахъ подчеркиваніе «бездѣлья», какъ своеобразнаго духовнаго порока. Культъ «труда» для Пушкина этого времени особенно показателенъ. Къ 1830 году, связанному съ окончаніемъ «Евгенія Онѣгина», относится знаменательная пьеса «Трудъ», написанная въ стилѣ «подражанія древнимъ»:

«Мигъ вождѣлѣнный насталъ: оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату принявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ».

Съ этимъ «гимномъ труду» перекликается окончаніе «Онѣгина», въ которомъ поэтъ прощается съ читателемъ и съ героями романа:

«Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей».

Мыслью о смерти кончается «Онѣгинъ». И здѣсь — сначала оглядка назадъ — послѣдній привѣтъ ушедшимъ изъ жизни друзьямъ молодости. Вѣроятно, правъ Н. Лернеръ, когда утверждалъ, что въ моментъ окончанія «Онѣгина» Пушкинъ мысленно обращался къ друзьямъ-декабристамъ. Изреченіе Саади:

«.... иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...»

можетъ быть прямо такъ истолковано. Но это частное примѣненіе заключительной строфы Онѣгина растворяется въ его общемъ глубокомъ жизненномъ смыслѣ. Именно поэтому такъ волнуютъ послѣднія строки, именно поэтому онѣ такъ усиливаютъ значительность всего романа.

«О много, много рокъ отъялъ!»

невольно скажетъ про себя всякій, кто оглянется на свое прошлое.

Общая тенденція къ сниженію романтическаго стиля уже очень ярко сказалась въ послѣднихъ главахъ «Евгенія Онѣгина». Но все же здѣсь Пушкинъ былъ еще сильно связанъ традиціей романтической поэмы и только въ лирическихъ отступленіяхъ могъ онъ себѣ позволить «завернуть на скотный дворъ», но и здѣсь вынужденъ былъ спохватиться, чтобы не впасть въ «прозаическія бредни». Шуточная поэма въ духѣ байроновскаго «Беппо», каковой является «Домикъ въ Коломнѣ», давала Пушкину въ этомъ направленіи большій просторъ. Поразительно, съ какимъ изяществомъ Пушкинъ въ этой поэмѣ соединяетъ непринужденную болтовню на литературныя темы, смыслъ которой въ полной мѣрѣ былъ понятенъ только небольшому кругу посвященныхъ въ тогдашніе литературные споры, съ непритязательной бытовой картиной жизни невѣдомой Параши и ея матери въ Коломнѣ, въ которой когда-то пришлось жить и самому поэту. Съ необычайною смѣлостью для своего времени Пушкинъ вводитъ «фламандской школы пестрый соръ» въ свои октавы:

«Параша (такъ звалась красотка наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плесть;

Всѣмъ домомъ правила одна Параша,
Поручено ей было счеты весть,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный трудъ ей помогала несть
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

Старушка мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!)».

Шуточная поэма, въ которой разсказанъ ходовой анекдотъ о мужчинѣ, переодѣтомъ прислугой и такимъ образомъ введенномъ дѣвушкой въ родительскій домъ, въ бытовой части поражаетъ своими реалистическими подробностями и живымъ діалогомъ, въ которомъ языкъ выдержанъ въ стилѣ мѣщанскаго просторѣчія. Отсюда уже одинъ шагъ къ «Повѣстямъ Бѣлкина», въ частности къ «Станціонному Смотрителю».

Съ другой стороны, «Домикъ въ Коломнѣ» связанъ съ «маленькими трагедіями», въ которыхъ отразились его размышленія объ основныхъ проблемахъ человѣческаго бытія. Пушкинъ очень тщательно прячетъ свои горькія чувства подъ маской шутливой болтовни. Но его подлинное душевное настроеніе все же неожиданно пробивается наружу. И, можетъ быть, нѣсколько строкъ, въ которыхъ пробились горькія размышленіе Пушкина, имѣютъ большее значеніе, чѣмъ вся поэма въ цѣломъ. Эти строки — на это указалъ М. Гершензонъ — полны такой горечи, почти ожесточенія, что невольно надъ ними задумываешься. Онѣ являются лишнимъ свидѣтельствомъ тому, что «гармоническому духу» Пушкина были знакомы и разрушительные инстинкты. Только онъ ихъ умѣлъ подавлять въ себѣ, умѣлъ подниматься надъ ними.

При видѣ новаго трехэтажнаго дома на мѣстѣ лачужки, въ которой нѣкогда жила его Параша съ ма-

терью, Пушкинымъ вдругъ овладѣваютъ странныя мысли:

«Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы охватилъ кругомъ,
То моему бъ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
Одинъ или съ товарищемъ вдвоемъ.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ правитъ
И держитъ мысль на привязи свою,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ... Я воды Леты пью.
Мнѣ докторомъ запрещена унылость:
Оставимъ это, — сдѣлайте мнѣ милость!...»

Такъ вновь въ шутку обращена неожиданно прорвавшаяся стихія въ творчествѣ Пушкина. Откуда это внезапное ожесточеніе? Его нетрудно вскрыть, если вспомнить, что въ томъ же «Домикѣ въ Коломнѣ» имѣется еще одно отступленіе, въ которомъ поэтъ вспоминаетъ судьбу другой обитательницы Коломны, молодой богатой графини Е. А. Стройновской. За нею Пушкинъ тайкомъ наблюдалъ въ церкви Покрова что въ Коломнѣ:

«Она казалась хладный идеалъ
Тщеславія. Его бъ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ... Въ нихъ то я вникалъ;
Невольный взоръ они то привлекали...»

Эти далекія воспоминанія о гордой красавицѣ, связавшей свою судьбу со старикомъ мужемъ, вынужденной жить въ условіяхъ великосвѣтской роскоши, но не смѣвшей дать воли своему непосредственному чувству, какъ-то связывались теперь у Пушкина съ его собственной судьбой, съ предстоящей женитьбой на красавицѣ Гончаровой, съ его личнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, съ тѣми уколами самолюбію и раздражающими условностями свѣта, отъ которыхъ онъ самъ такъ страдалъ. И отсюда «странныя мечты» о пожарѣ,

который уничтожилъ-бы до тла «высокій домъ», появившійся на мѣстѣ скромной лачужки обитательницъ Коломны. Такъ на мигъ очутился Пушкинъ какой-то «бездны на краю», гимнъ которой онъ сложилъ въ пѣснѣ Вальсингама.

5.

«У Пушкина немало произведеній объективныхъ, какъ „Борисъ Годуновъ“ или „Капитанская Дочка“, но лучшія его вещи глубоко автобіографичны, то есть зачаты имъ въ страстныхъ думахъ о его собственной судьбѣ, когда его личное недоумѣніе, созрѣвъ, открывалось ему какъ загадка универсальная, когда онъ постигалъ вселенскій смыслъ личнаго и частнаго дѣла», говоритъ М. Гершензонъ въ своей книгѣ «Мудрость Пушкина». И вотъ именно такая автобіографичность, поднятая до вопросовъ общаго міросозерцанія, составляетъ паѳосъ «маленькихъ трагедій», написанныхъ въ болдинскую осень. Всѣ душевныя тревоги Пушкина, всѣ его раздумья о личной судьбѣ и о судьбѣ-рокѣ, прикованность мысли къ проблемѣ личности и нарастающее чувство отвѣтственности передъ собою и передъ будущимъ — все это въ конденсированной формѣ художественныхъ обобщеній отразилось въ «драматическихъ сценахъ». Понятно, что для этой цѣли Пушкинъ не могъ использовать широкаго полотна шекспировской драмы. Ему нужно было вновь сдѣлать шагъ назадъ, къ драмѣ французскаго классицизма, къ драмѣ страстей. Но Пушкинъ никогда не возвращался просто назадъ, а всегда находилъ синтезъ между старымъ и новымъ. И на этотъ разъ онъ нашелъ форму драмы, сочетавшую обобщающую силу классической трагедіи съ психологической напряженностью шекспировской драмы. Образцомъ ему послужилъ на этотъ разъ Барри Корнуоль, авторъ «Драматическихъ сценъ» (1815 г.). Предѣльная скупость дѣйствія, отказъ отъ всего, что является эпизодическимъ, сосредоточеніе вниманія на двухъ-трехъ дѣйствующихъ лицахъ, словесная сжатость и четкость, пронизанность

руководящей идеей, но полное отсутствіе всякаго морализированія или философствованія, сгущенная напряженность доминирующей страсти — все это дѣлаетъ «маленькія трагедіи» подлинными шедеврами міровой литературы.

«Маленькія трагедіи» связаны между собою проблемой индивидуализма и проблемой человѣческой судьбы-рока. Въ отношеніи къ индивидуализму, справедливо говоритъ А. С. Долининъ, у Пушкина намѣчалось два пути. Или непосредственное пріятіе жизни, бездумная отдача себя ея теченію, стремленіе вобрать въ себя всѣ стороны бытія. Это сливалось и съ романтическимъ представленіемъ о поэтѣ, какъ богоданной натурѣ, жадно откликающейся на всѣ зовы жизни. Пушкинъ никогда не подпадалъ соблазну титанизма, онъ не былъ изъ породы «Прометеевъ», бросавшихъ вызовъ судьбѣ. Его индивидуализмъ скорѣе былъ похожъ на бездумную отдачу себя потоку жизни, въ тайной увѣренности, что судьбы конемъ не объѣдешь. Отсюда понятно, какъ все упорнѣе и упорнѣе онъ обращается къ проблемѣ судьбы-рока, какъ мысль о собственной участи связывается у него съ раздуміемъ о безсиліи человѣка передъ судьбой. Преодолѣніе индивидуализма шло рядомъ съ нарастаніемъ чувства ограниченности человѣческой воли. Это вело Пушкина на путь смиренія, признанія Высшаго начала, господствующаго надъ жизнью, къ ощущенію долга передъ собою и людьми, къ чувству отвѣтственности и пріятію жизни во всей ея сложности и противорѣчивости. «Въ болдинскій періодъ, говоритъ А. С. Долининъ, оба пути скрещиваются. Въ „маленькихъ трагедіяхъ“ рисуются эти вольныя широкія натуры, вѣдающія счастье на землѣ. Въ послѣднихъ же двухъ главахъ „Онѣгина“, весь смыслъ которыхъ сводится къ словамъ Татьяны: „но я другому отдана . . .“, высказывается уже идеалъ всесмиренія и признанія господства морали въ жизни».

«Моцартъ и Сальери», конечно, только въ поверхностномъ планѣ можетъ быть понятъ, какъ трагедія зависти. Въ основѣ его лежитъ протестъ противъ

несправедливости судьбы, которая по своему капризу даритъ одного талантомъ, а другого заставляетъ усиліемъ воли шагъ за шагомъ пробиваться къ тайнѣ искусства. Эту сторону «бунта» въ трагедіи Сальери почувствовалъ Достоевскій, когда создавалъ своего Ивана Карамазова, съ его возвратомъ билета въ царствіе небесное. Надъ всѣмъ господствуетъ случай, случайность рожденія и случайность одаренности, а человѣческая воля и вѣра въ міровой порядокъ и законъ разбиваются о капризъ судьбы. Моцартъ, избранникъ и баловень фортуны, гибнетъ не какъ жертва низкой зависти соперника, а въ силу невозможности для раціональнаго человѣческаго сознанія примириться съ игрой случая, съ капризомъ судьбы, не поднятой въ сознаніи до понятія Промысла. И какъ ни объективенъ Пушкинъ въ изображеніи этой коллизіи «разума» и «случая», не трудно видѣть, что ему лично «гуляка праздный», бездумный Моцартъ ближе, чѣмъ разсудочный Сальери, взявшій на себя титаническую миссію исправленія несправедливости судьбы. Но откуда въ «Моцартѣ и Сальери», этомъ маленькомъ философскомъ трактатѣ въ стихахъ, волнующая лиричность, откуда непосредственность и простота формы, откуда напряженная страстность монологовъ Сальери и задумчивая элегичность словъ Моцарта? Конечно, эти черты трагедіи объясняются связанностью ея съ личными переживаніями Пушкина, съ тѣмъ, что въ ней сублимированы думы и чувства его.

Тотъ же бунтъ противъ безсмысленности судьбы лежитъ въ основѣ «Скупого Рыцаря». И здѣсь скупость только внѣшній покровъ болѣе глубокаго чувства. Старый баронъ не простой стяжатель, а страстный мечтатель-индивидуалистъ, который хочетъ утвердить свою власть надъ жизнью, надъ случаемъ — путемъ богатства. Ему не деньги нужны, а власть, ему не богатство нужно, а сила, которая подниметъ его надъ случаемъ, которая дастъ ему возможность обладать всѣмъ, что онъ захочетъ. На пути его мечтѣ сталъ «гуляка праздный», «безумный расточитель», который видитъ въ деньгахъ только средство къ ве-

селой и бездумной жизни. Не трудно понять, что проблема «денегъ» въ ея философской глубинѣ, такъ ярко выявленная позже Достоевскимъ въ формулѣ: «Деньги есть чеканная свобода» («Записки изъ Мертваго Дома»), должна была въ это время волновать Пушкина, который чувствовалъ, сколько невольныхъ униженій и ударовъ по самолюбію наноситъ ему его матеріальная необезпеченность. Поэтому такой убѣдительной кажется ворвавшаяся въ контекстъ конкретныхъ жалобъ Альбера обобщающая формула:

«. . . . . О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!»

Въ «Каменномъ Гостѣ» еще сильнѣе пробивается личная струя пушкинскаго творчества. Если въ «Моцартѣ и Сальери» и «Скупомъ Рыцарѣ» бездумные герои, отдающіеся непосредственному потоку жизни, заслонены носителями идеи бунта противъ судьбы, то въ «Каменномъ Гостѣ» расточитель жизни, Донъ-Гуанъ выступаетъ на первый планъ. Онъ очутился на поворотѣ: еще сильна въ немъ вѣра въ свою удачу, еще съ жадностью припадаетъ онъ къ кубку жизни, еще весь онъ остается во власти быстро смѣняющихся настроеній и желаній. Но впервые въ жизни онъ заглядываетъ впередъ и впервые съ опаской оглядывается онъ на свое прошлое, грозящее стать на пути его будущей, можетъ быть, единственной, настоящей любви.

Это прошлое рисуется ему теперь въ иномъ свѣтѣ. Едва-ли его страстное признаніе Доннѣ Аннѣ можно объяснить только лишь любовной хитростью, пробивающей себѣ путь къ побѣдѣ. Нѣтъ, въ немъ слышно искреннее раздумье надъ прошлымъ и страхъ за будущее:

«. . . . . . . О, Донна Анна!
Молва, быть можетъ, не совсѣмъ неправа;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣетъ; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!

Васъ полюбя, люблю я добродѣтель —
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.»

Здѣсь въ этихъ словахъ любовнаго признанія слышны мотивы заключительной строфы «Мадонны»:

«Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ».

Пушкинъ никогда не переступалъ границъ художественной правдоподобности. Міровой сюжетъ о Донъ-Жуанѣ, обольстителѣ женскихъ сердецъ, не давалъ ему возможности вывести своего героя на новый путь. Онъ гибнетъ, какъ гибнутъ всѣ его литературные предшественники. Но гибнетъ онъ съ именемъ Донны Анны на устахъ. Тема вѣрности все же въ конечномъ счетѣ беретъ верхъ надъ исконнымъ донъжуанскимъ мотивомъ. И, можетъ быть, не такъ далекъ отъ истины Ив. Щегловъ, когда пытается найти непосредственную связь между «Каменнымъ Гостемъ» и жизнью Пушкина. «Переживаемый острый моментъ любовнаго увлеченія и страхъ за себя и за любимую женщину, сознаніе своей грѣховности передъ лицомъ „чистаго ангела" — всѣ эти обычныя мысли и чувства жениха оказали въ данномъ случаѣ прямое вліяніе на полетъ его творческой фантазіи», говоритъ онъ въ своей работѣ о Пушкинѣ.*) Даже если не заходить такъ далеко въ автобіографическихъ обобщеніяхъ, можно все же утверждать, что тема «вѣрности», на что мы, впрочемъ, уже имѣли случай указать, была Пушкину очень близка въ болдинскій періодъ. Соединеніе этой темы съ традиціоннымъ сюжетомъ о Донъ-Жуанѣ придаетъ «Каменному Гостю» особенное очарованіе. Здѣсь произведенъ художественный экспериментъ большой смѣлости и, даже въ случаѣ, когда себѣ не даешь полнаго отчета въ его смыслѣ, онъ вызываетъ высокое художественное наслажденіе.

Отрѣзанный въ Болдинѣ карантинами отъ Москвы, куда Пушкинъ рвался къ невѣстѣ, въ страхѣ за ея судьбу и невольно обращаясь мыслью къ смерти,

*) См. кн. «Новое о Пушкинѣ». Спб. 1902.

Пушкинъ естественно остановился на мысли перевести трагедію Вильсона „The City of the Plague“. Она его привлекла не только общностью темы съ остальными «маленькими трагедіями», темы о судьбѣ-рокѣ, но и возможностью вложить въ нее нѣкоторыя свои мысли, выразить въ ней свои душевныя настроенія. Мы помнимъ, что въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ, Пушкинъ такъ передалъ свое душевное состояніе тѣхъ дней: «я готовъ тогда былъ радоваться чумѣ». И ѣхалъ онъ навстрѣчу чумѣ, какъ бы бросая вызовъ судьбѣ: если все потеряно, если отнята возможность счастья, то остается еще мужество передъ лицомъ смерти, безсильной передъ человѣкомъ, у котораго нѣтъ ничего впереди.

«Есть упоеніе въ бою
И даже бездны на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы...
Все, все что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!»

поетъ Вальсингамъ свой «гимнъ чумѣ». Здѣсь Пушкинъ уже не слѣдуетъ за Вильсономъ, здѣсь онъ выражаетъ свои личныя настроенія и думы. Это одинъ изъ тѣхъ прорывовъ, о которыхъ онъ писалъ въ «Домикѣ въ Коломнѣ», когда ему не удалось «въ сердцѣ усыпить мгновенно прошипѣвшую змѣю». Но вѣдь и для Вальсингама это прорывъ отчаянія, когда все ему дорогое уже было у него рокомъ отнято. Эту тему «побѣды надъ смертью черезъ преодолѣніе страха смерти» позже подхватитъ Достоевскій и положитъ ее въ основу философіи Кирилова. «Пиръ во время чумы» возможенъ только передъ лицомъ смерти и, несмотря на вызовъ смерти брошенный, въ основѣ его лежитъ все-же страхъ смерти. «Ужасный демонъ приснился мнѣ, говоритъ Луиза, — весь черный, бѣлоглазый... Онъ звалъ меня въ свою телѣжку. Въ ней лежали мертвые — и лепетали ужасную, невѣдомую

рѣчь». «Черный человѣкъ» пугаетъ воображенiе жизнерадостнаго Моцарта. Пожатье «каменной десницы» Командора обрываетъ жизнь Донъ-Гуана какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она ему всего дороже. Такъ упираются въ мысль о смерти «маленькiя трагедiи» Пушкина, написанныя въ болдинскую осень. И самъ онъ на порогѣ новой жизни, когда прошлое переживалось, какъ «смутное похмелье», а будущее рисовалось путемъ «труда и горя», невольно обращался мыслью къ смерти, суевѣрно отстраняя ее отъ себя.

Но что мысль его въ это время была обращена къ смерти, видно не только изъ упорно возвращающагося мотива смерти въ его драмахъ, но и изъ замѣчательнаго незаконченнаго лирическаго отрывка этого времени:

«Стою печаленъ на кладбищѣ,
Гляжу кругомъ — обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.»

«То въ снахъ надежды, то въ горестныхъ сомнѣнiяхъ и страхѣ», подобно Медоку изъ поэмы Соути, отрывокъ изъ которой Пушкинъ въ это время перевелъ, онъ готовился причалить къ пристани «семейственной жизни». Предчувствiя не обманули поэта: его поджидала здѣсь гибель.

6.

«Повѣсти Бѣлкина», непревзойденные образцы пушкинской «смиренной прозы», написаны какъ бы въ pendant къ «маленькимъ трагедiямъ». Та-же сжатость формы, такая-же словесная скупость, только тематика трагедiй снижена, все перенесено въ чуть-чуть пародiйный планъ. Но можно прослѣдить, какъ темы маленькихъ трагедiй повторяются въ «Повѣстяхъ Бѣлкина», какъ тѣ-же проблемы перенесены въ иной планъ. На это уже было въ пушкинской литературѣ обращено вниманiе и въ статьяхъ А. С. Долинина и въ извѣст-

ной книгѣ «Мудрость Пушкина» М. Гершензона. Намъ здѣсь важно только вновь подчеркнуть «единство» болдинскаго періода, внутреннюю связанность всего творчества съ жизнью Пушкина этого времени.

Въ «Выстрѣлѣ», въ которомъ такъ неожиданно возрождаются байроническіе мотивы пушкинскаго творчества, въ сущности надо видѣть искусную пародію байронической повѣсти. Вѣдь записана она Бѣлкинымъ со словъ подполковника И. П. Л., и самъ Пушкинъ не несетъ отвѣтственности за ея стиль*). Достоевскій, отрицательно отозвавшись о «Выстрѣлѣ», не обратилъ вниманія на «сказовый» характеръ «Повѣстей Бѣлкина». Но, воспользовавшись формой байронической повѣсти, Пушкинъ въ сущности повторилъ или, лучше сказать, «перелицевалъ» на новый ладъ своего «Моцарта и Сальери». Вѣдь въ «Выстрѣлѣ» передъ нами все то-же противопоставленіе «блистательнаго счастливца», постояннаго удачника человѣку упорства и воли, который не можетъ примириться съ мыслью, что «вѣчному любимцу счастія» во всемъ удача, что даже передъ лицомъ смерти онъ такъ спокоенъ, какъ будто ему въ жизни терять нечего. И если Вальсингамъ бросаетъ вызовъ смерти потому, что у него уже все позади, то Графъ не боится смерти потому, что у него еще собственно настоящей привязанности въ жизни не было и ему — въ иномъ смыслѣ — тоже терять нечего. И вотъ мучительная зависть и ревность къ чужой удачѣ толкаетъ Сильвіо на дьявольскую месть. Онъ выжидаетъ момента, когда вѣчный удачникъ, баловень судьбы, почувствуетъ и пойметъ, что значитъ очутиться лицомъ къ лицу со смер-

*) Подъ иниціалами И. П. Л. Пушкинъ, конечно, имѣлъ въ виду своего кишиневскаго пріятеля подполковника Ивана Петровича Липранди. С. Штрайхъ въ статьѣ «Знакомецъ Пушкина — И. П. Липранди», («Красная Новь». 1935. № 2) обосновываетъ связь образа Сильвіо съ И. П. Липранди, между прочимъ, и тѣмъ, что разсказчикъ «Повѣстей Бѣлкина» носитъ то-же имя и отчество. Непонятно, почему онъ не обратилъ вниманія на прямое указаніе Пушкина на связь «Сильвіо» съ Липранди, которое содержится въ повтореніи его начальныхъ буквъ въ примѣчаніи къ вступленію «Отъ издателя».

тью въ тотъ моментъ, когда приходится умирать съ дорогимъ именемъ на устахъ. Въ «Моцартѣ и Сальери» и въ «Каменномъ Гостѣ» развязки трагичны. Гибнетъ Моцартъ тогда, когда онъ полонъ творческихъ думъ, когда ему такъ трудно «разстаться съ работою своей»; гибнетъ и Донъ-Гуанъ въ моментъ, когда онъ впервые позналъ подлинное чувство, гибнетъ съ именемъ Донны Анны на устахъ. «Повѣсти Бѣлкина» построены по контрасту — трагическому концу трагедій противопоставлена счастливая развязка повѣстей. Правда, безсмысленно погибаетъ за чужое дѣло Сильвіо во время возстанія Александра Ипсиланти, но остается жить и счастливъ въ семейной жизни баловень фортуны графъ Б*.

Проблема судьбы и Провидѣнія лежитъ въ основѣ «Метели». М. О. Гершензонъ очень остроумно сопоставилъ ее съ «Бѣсами» Пушкина. «Образъ, вставшій въ воображеніи Пушкина и обрисованный имъ въ „Бѣсахъ", пустилъ корень и расцвѣлъ. Жизнь-метель, снѣжная буря, заметающая предъ путникомъ дороги, сбивающая его съ пути: такова жизнь всякаго человѣка. Онъ — безвольное игралище метели-стихіи: думаетъ дѣйствовать по личнымъ цѣлямъ, а въ дѣйствительности движется ея прихотью: такъ углубился въ сознаніи Пушкина тотъ образъ, и эту углубленную символику жизни онъ выразилъ недѣль шесть спустя послѣ „Бѣсовъ" въ разсказѣ „Метель", написанномъ въ Болдинѣ же въ серединѣ октября . . . Здѣсь Пушкинъ изобразилъ жизнь-метель не только какъ властную надъ человѣкомъ стихію, но какъ стихію умную, мудрѣйшую самого человѣка. Люди, какъ дѣти, заблуждаются въ своихъ замыслахъ и хотѣніяхъ, — метель подхватитъ, закружитъ, оглушитъ ихъ, и въ мутной мглѣ твердой рукой выведетъ на правильный путь, куда имъ, помимо ихъ вѣдома, и надо попасть. Она знаетъ ихъ скрытую волю — лучше ихъ самихъ».*) Но столь же законно сопоставленіе «Метели» съ «Пиромъ во время чумы». Судьба-рокъ, этотъ «мужикъ съ рогатиной» ворвалась въ жизнь Вальсингама; раз-

*) М. Гершензонъ. Мысль Пушкина, стр. 134.

била его личную жизнь, отнявъ сразу и мать и любимую жену. Отчаяніе толкаетъ Вальсингама на путь бунта противъ Провидѣнія. Напрасно пытается Священникъ вернуть его къ жизни; если голосъ его и доходитъ до сознанія Вальсингама, то все же въ немъ уже подорвана вѣра въ благостность судьбы, хотя онъ и сознаетъ гибельность бунта. Въ «Метели» вмѣсто судьбы-рока передъ нами судьба-фортуна. Она вопреки умствованію человѣка, упорно сворачивающаго на ложный путь, все же ведетъ его къ конечному счастью. Здѣсь намѣчается какъ-бы жизненный корективъ къ «Евгенію Онѣгину». Вѣдь и тамъ все могло кончиться счастливо, если-бы только душа Онѣгина была способна къ простому воспріятію жизни, если-бы онъ въ «барышнѣ уѣздной» сразу разгадалъ будущую Татьяну. Эту неспособность видѣть жизнь въ ея подлинномъ видѣ, это неистребимое стремленіе къ романтикѣ, къ необычному, безъ чего жизнь кажется прѣсной, Пушкинъ изобразилъ въ непритязательномъ по содержанію и очаровательномъ по легкой, едва чувствуемой ироніи разсказѣ «Барышня - крестьянка». Здѣсь снова все построено по контрасту. Романтически настроенному герою повѣсти, Алексѣю Берестову надо столкнуться съ переодѣтой крестьянкою Лизою, чтобы отдаться чувству простой и горячей любви. Ибо «Алексѣй, несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, былъ добрый и пылкій малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденіе невинности». Но вѣдь и Евгеній Онѣгинъ былъ въ сущности «добрый малый», но онъ не въ силахъ былъ въ свѣтской обстановкѣ сбросить съ себя маску, которую онъ носилъ по привычкѣ и которая придавала ему значительность и интересность. И вмѣсто благополучной развязки — двѣ разбитыхъ жизни.

Мнѣ кажется, что кончая «Евгенія Онѣгина» знаменитымъ моральнымъ апоѳеозомъ Татьяны, Пушкинъ самъ все же съ трудомъ мирился съ такимъ концомъ романа. Вспомнимъ, какъ его волновала и на какія мысли наводила судьба графини Стройновской,

связавшей свою молодость со старикомъ-мужемъ. Въ «Станціонномъ Смотрителѣ» Пушкинъ попробовалъ додумать судьбу Татьяны по-иному. Тамъ Дуня, не колеблясь, отдалась непосредственному чувству любви и бросила отчій домъ. Условная мораль была жестоко нарушена, и для отца это былъ смертельный ударъ. М. Гершензонъ прекрасно вскрылъ символическое значеніе картинки «о блудномъ сынѣ» украшавшей смиренную обитель Станціоннаго Смотрителя. Поступокъ своей дочери онъ видитъ сквозь призму притчи о блудномъ сынѣ. Она для него «заблудшая овечка», ее надо вырвать изъ рукъ соблазнителя, который ее долженъ, по его представленію, непремѣнно бросить. «Станціоннаго Смотрителя сгубила ходячая мораль. Сама призракъ, ничто, она совершенно реально высасываетъ кровь изъ людей; ея тиранія — вотъ мысль, выраженная Пушкинымъ въ „Станціонномъ Смотрителѣ“*). Неискушенная въ жизни и ея условностяхъ, Дуня не въ состояніи додумать до конца, что несетъ за собою непосредственный порывъ чувства. Она отдается ему... и отвоевываетъ себѣ свое личное счастье. Но все-же она смутно понимаетъ, что счастье ея куплено цѣною гибели отца. Для Татьяны, на ея высокомъ уровнѣ моральнаго сознанія, этотъ путь былъ закрытъ. Ей приходилось переступать черезъ большее, черезъ вѣрность слову, данному передъ алтаремъ, черезъ честность передъ собственнымъ моральнымъ сознаніемъ. Она должна нести свой крестъ. Пушкину трудно было, вѣроятно, такъ обрывать романъ. Но художественная правда не допускала иного исхода. Онъ далъ выходъ своему неудовлетворенному чувству, наградивъ Дуню, героиню «Станціоннаго Смотрителя» счастливой жизнью.

Остается еще «Гробовщикъ». Какъ включить его въ эту схему единства пушкинскаго творчества болдинской поры? Это не такъ трудно. На этотъ разъ Пушкинъ перелицевалъ своего «Каменнаго Гостя», сдѣлавъ изъ него анекдотъ о посѣщеніи Гробовщика своими заказчиками-мертвецами. Мотивъ «вызовъ

*) Гершензонъ. Тамъ-же, стр. 126.

мертвеца» использованъ здѣсь въ планѣ типичнаго «страшнаго разсказа», кончающагося пробужденіемъ героя отъ кошмарнаго сна.

Пушкинъ точно хотѣлъ отдохнуть отъ трагическихъ образовъ, заполонившихъ его творческое воображеніе въ болдинскую осень 1830 г. По контрасту съ ними онъ создаетъ свои на первый взглядъ столь незатѣйливыя «Повѣсти Бѣлкина», въ которыхъ все таки, какъ въ негативѣ, можно вскрыть подлинныя черты его облика. Надо только не забывать, что творчество писателя связывается въ высшее единство его личностью. Въ свѣтѣ этого единства всѣ творческія проявленія Пушкина, въ лирикѣ, драмѣ и прозѣ, пріобрѣтаютъ болѣе глубокій смыслъ и взаимно другъ друга пополняютъ. Для «болдинской осени», періода, когда творчество Пушкина стояло въ своемъ зенитѣ, прослѣдить это единство и показать взаимосвязанность всего творчества Пушкина особенно соблазнительно. Вѣдь, при удачѣ, это значитъ не только напомнить жизнь и творчество этого періода, но и вскрыть нити, связующія ихъ воедино. Попытку такой синтетической біографіи, охватывающей лишь три мѣсяца жизни Пушкина, представляетъ настоящая работа.

Приложеніе

Разборъ стихотворенія „Демонъ“

Стихотвореніе «Демонъ» (1823 г.) дѣлится на двѣ равныя части по 12 строкъ, хотя въ немъ формально и нѣтъ строфическихъ члененій. Такимъ образомъ, въ основѣ лежитъ парное члененіе, скорѣе ведущее къ ощущенію симметріи, гармоніи, чѣмъ къ диссимметріи, хаосу.

Первая половина (1—12 стр.) построена по типу временнаго періода: когда-тогда, но съ явнымъ перевѣсомъ придаточнаго предложенія (8 : 4). Этимъ какъ-бы подчеркивается значимость смысловыхъ единицъ, заключенныхъ въ придаточной части.

Первыя восемь строкъ распадаются въ свою очередь на 2+6 стр., изъ которыхъ вторыя шесть являются только раскрытіемъ, конкретизаціей второй строки, объясненіемъ того, что поэтъ вкладываетъ во «всѣ впечатлѣнія бытія». Такимъ образомъ, первыя 12 строкъ по содержанію легко могли-бы быть сведены къ простому четверостишію:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія...
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.

Въ сущности, всю пушкинскую пьесу можно свести къ лирическому раскрытію этого мысленнаго четверостишія. Къ «лирическому раскрытію», т. е. поэтическому осмысленію для себя, а черезъ себя и для другихъ, необычайнаго появленія въ моментъ наибольшей, казалось-бы, душевной полноты какой-то трещины, соприкосновенія съ силами хаоса и опустошенности. Вотъ это душевное состояніе надо было поэтически осмыслить, и какъ это осмысливается Пушкинымъ становится для насъ чрезвычайно интереснымъ.

Стихотвореніе начинается нѣсколько торжественнымъ, приподнятымъ «въ тѣ дни...» Помимо того, что этимъ данъ зачинъ, который приподнимаетъ стилистически все стихотвореніе, такое вступленіе имѣетъ и свое значеніе въ преодолѣніи шаблоннаго построенія періода «когда, тогда». Путемъ вводныхъ словъ «въ тѣ дни...» подчеркивается уже въ самомъ началѣ полнота, заполненность событіями, вмѣсто простого указанія временной послѣдовательности. Эта заполненность, насыщенность далѣе раскрывается конкретнымъ указаніемъ того, что поэтъ понимаетъ подъ «впечатлѣніями бытія». Это «взоры дѣвъ», «шумъ дубровы», «пѣнье соловья». Новое «когда» поднимаетъ насъ еще на ступень выше и соотвѣтствуетъ перенесенію вниманія отъ «впечатлѣній бытія» къ «возвышеннымъ чувствамъ» и «вдохновеннымъ искусствамъ».

Впечатлѣніе насыщенности, полноты бытія еще усиливается тѣмъ, что даже въ главномъ предложеніи поэту удается отвоевать одинъ стихъ для подчеркиванія положительнаго содержанія своей душевной жизни. «Часы надеждъ и наслажденій» по смыслу относятся къ положительному утвержденію жизненнаго смысла.

Т. е. изъ первыхъ 12 стиховъ мотивъ «демона» захватываетъ только три стиха, положительное-же содержаніе душевной жизни развивается въ 9 стихахъ. Это само по себѣ уже даетъ ощущеніе утвержденія Пушкинымъ того содержанія «бытія», которое внезапно было «осѣнено тоской». Если мы обратимъ вниманіе еще на подборъ словъ послѣднихъ трехъ стиховъ четверостишія:

«Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня»,

то еще болѣе укрѣпится это чувство необычайной цѣнности внутренняго міра поэта. Интересно, что озаглавивъ стихотвореніе словомъ «демонъ» Пушкинъ въ самомъ стихотвореніи не пользуется этимъ словомъ, а называетъ демона «злобнымъ геніемъ», какъ-бы лишая его того ореола, который невольно связывается

съ демономъ, падшимъ ангеломъ. Сразу дано и впечатлѣніе «сторонности», чуждости внутреннему міру поэта демоническихъ настроеній. Онъ навѣщаетъ «тайно», противъ воли. Глаголъ «осѣнять» въ связи съ «тоской» вызываетъ образъ «тучи», бросающей тѣнь, чего-то внезапно, извнѣ пришедшаго, враждебнаго и чуждаго. Уже этимъ 12-стишіемъ создано «лирическое» настроеніе контраста «свѣтлаго» и «темнаго», «полнаго» и «ущербнаго». Не можетъ быть сомнѣнія, что поэту, написавшему такую пьесу, органически чуждо хаотическое, разлагающее начало, что соприкосновеніе съ нимъ онъ воспринимаетъ, какъ встрѣчу съ враждебнымъ ему духомъ зла и хаоса.

Вторая половина стихотворенія только углубляетъ это впечатлѣніе. Уже первый стихъ, точно боясь ввести въ заблужденіе, подводитъ итогъ столкновенію поэта съ враждебнымъ геніемъ.

«Печальны были наши встрѣчи» — вотъ этотъ итогъ, разъясненію котораго посвящены послѣдніе 11 стиховъ. Сначала слѣдуетъ внѣшнее впечатлѣніе отъ «злобнаго генія»:

«Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ».

Враждебность этого образа ясно чувствуется. «Его улыбка» создаетъ образъ человѣка съ постоянной, т. е. искусственной улыбкой, лицомъ-маской. «Чудный» взглядъ — значитъ «странный» взглядъ; рѣчь язвительная — опять преднамѣренная, ставящая цѣлью уязвить. Глаголъ «вливать» подчеркиваетъ дѣйствіе насильное, непріязненное, вызывающее душевное сопротивленіе.

Строки:

«Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —

выражаютъ нарастающее возмущеніе враждебнымъ духомъ, который отрицаетъ самое дорогое душевному

міру поэта. Это возмущеніе достигаетъ высшаго напряженія въ заключительномъ аккордѣ:

«И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ».

Все то, что въ первой части Пушкинъ раскрываетъ, какъ содержаніе своего внутренняго міра: свобода, слава и любовь, все это «злобный геній» отрицаетъ.

Поэтъ очень тонко проводитъ свое пріятіе міра, свое утвержденіе жизни путемъ столкновенія съ враждебнымъ отрицающимъ духомъ. Изъ этого столкновенія онъ выходитъ побѣдителемъ, и еще больше укрѣпляетъ въ насъ впечатлѣніе душевной полноты, гармоничности и цѣльности. Особенно ярко чувствуется эта внутренняя связь пушкинскаго «Демона» съ его поэтическою личностью при сравненіи его съ пьесой Лермонтова «Мой демонъ» (1829 г.).

«Демонъ» Лермонтова — олицетвореніе внутренняго міра поэта, которымъ владѣютъ темныя демоническія силы. Это подчеркивается и самимъ заглавіемъ стихотворенія, въ отличіе отъ пушкинскаго названнаго «мой» демонъ.*) «Демонъ» — же Пушкина — искушеніе, пришедшее извнѣ.

Разрушающая сила перваго направлена во внѣ, на другихъ; онъ — демонъ-искуситель. Разлагающее вліяніе второго направлено на внутренній міръ поэта, онъ — демонъ искушающій. Пушкинъ отвергаетъ, отталкиваетъ отъ себя встрѣтившагося на его пути демона, Лермонтовъ, отожествляетъ себя съ нимъ, подпадаетъ его власти.

Уже современники Пушкина и Лермонтова отмѣтили эту разницу въ мiроощущеніи обоихъ писателей, такъ ярко отразившуюся въ этихъ сходныхъ по мотивамъ пьесахъ. Такъ В. П. Боткинъ писалъ Бѣлинскому: «въ молодости демонъ на мгновеніе являлся Пушкину, но кроткая, нѣжная, святая душа Пушкина трепетала этого страшнаго духа, и онъ съ тоскою гово-

*) Надо оговорить, что и у Пушкина въ «Мнемозинѣ» В. К. Кюхельбекера (Москва 1824), гдѣ стихотвореніе появилось впервые, оно было озаглавлено «Мой Демонъ». Однако, самъ Пушкинъ затѣмъ измѣнилъ заглавіе.

рилъ о печальныхъ встрѣчахъ съ нимъ. Лермонтовъ взглянулъ ему прямо въ глаза, сдружился съ нимъ и сдѣлалъ его царемъ своей фантазіи». «Совершенно согласенъ съ тобою», отвѣчалъ Бѣлинскій: «особенно поражаетъ меня страхъ и боязнь Пушкина къ демону: „печальны были наши встрѣчи", именно отсюда и здѣсь его разница съ Лермонтовымъ.*)

Если выйти за предѣлы окончательнаго текста и обратиться къ рукописямъ Пушкина, то правильность этихъ выводовъ станетъ еще очевиднѣй. Въ несомнѣнной связи съ «Демономъ» стоитъ напр. отрывокъ въ Румянц. тетр. № 2369, л. 29 об. съ помѣтой „I Novembre"

«Мнѣ было грустно, тяжко, больно...
Но одолѣвъ меня въ борьбѣ
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ»...»**)

Въ другомъ наброскѣ, приведенномъ въ свое время В. Е. Якушкинымъ («Русск. Стар.» 1884, май, 337) есть такія строки:

«Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
И я мое существованье
Съ его навѣкъ соединилъ...
... Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ...»***)

Здѣсь въ этихъ отрывкахъ значительно рѣзче высказано пріятіе «демона», и Пушкинъ отбросилъ эти строки, какъ неотвѣчающія его внутреннему настроенію.

Такъ мы видимъ, какъ по одному стихотворенію можно установить тѣснѣйшую связь каждой строки съ общимъ замысломъ, съ самой личностью поэта;

*) См. У Пыпина: «Бѣлинскій». 2-е изд., стр. 403, 407. Цитирую по изд. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 620.

**) См. соч. Пушкина въ изд. Брокгауза подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 618.

***) Рум. тетр. № 2366; привед. тамъ же.

можно установить полную обусловленность цѣлаго и отдѣльныхъ частей. И это особенно любопытно, когда такой разборъ подтверждаетъ выводы, къ которымъ мы пришли инымъ путемъ.

Наиболѣе характерной чертой Пушкина, говорили мы, является «гармоничность» его природы. Но эта черта вовсе не исключаетъ глубины и сложности его духовнаго склада. Мы не согласны съ тѣми, кто видитъ въ Пушкинѣ только «реалиста», которому чуждо все, что выходитъ за предѣлы постижимаго міра, но не можемъ примкнуть и къ тѣмъ, кто склоненъ утверждать, что преобладающимъ началомъ его психики было начало хаоса и разложенія. Стихотвореніе «Демонъ» интересно именно тѣмъ, что оно убѣдительно показываетъ, какъ Пушкинъ, оставаясь по существу вѣренъ своей «гармонической» природѣ, въ то-же время воспріимчивъ ко всѣмъ явленіямъ бытія, въ томъ числѣ и такимъ, которыя выходятъ за предѣлы реальнаго бытія. Традиціонное утвержденіе о гармоничности и просвѣтленности Пушкина вовсе не стоитъ въ противорѣчіи съ доступностью постиженія имъ глубинъ человѣческаго духа. На разборѣ «Демона» мы могли въ этомъ убѣдиться.

СОДЕРЖАНІЕ.

Работы того же автора о Пушкинѣ

1. **Къ вопросу о вліяніи Шатобріана на Пушкина.** — «Пушкинъ и его современники». 1911, вып. XV. Отд. отт. Спб. 1911 и «Пушкинистъ». Петр. 1914, вып. I.

2. **Къ уясненію понятія историко-литературнаго вліянія.** (По поводу статьи А. С. Полякова «Пушкинъ и Пнинъ»). — «Пушкинъ и его современники». 1916, вып. XXIII—XXIV.

3. **«Днéвной» и «дневнóй» у Пушкина.** — «Пушк. и его совр.». 1917, вып. XXVII.

4. **Мелочи о Пушкинѣ.** — «Пушк. и его совр.». 1918, вып. XXIX—XXX.

5. **Откликъ петрашевца на смерть Пушкина.** — Пушкинскій сборникъ памяти С. А. Венгерова. «Пушкинистъ». IV. М. 1922.

6. **Письмо А. Д. Илличевскаго къ В. К. Кюхельбекеру** (1818). — «Пушк. и его совр.». 1927, вып. XXXI—XXXII.

7. **Гоголь и Пушкинъ въ творчествѣ Достоевскаго** — „Slavia“ 1928. VII и 1929. VIII.

8. **«Скупой рыцарь» Пушкина въ творчествѣ Достоевскаго.** — «Пушкинскій Сборникъ» Русскаго Института въ Прагѣ. 1929.

9. **Сумерки героя (Этюдъ къ работѣ: Отраженія «Пиковой Дамы» въ творчествѣ Достоевскаго)** — Научные Труды Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ. 1931. IV.

10. **Puškiniana.** 1930—1931. — Slavische Rundschau 1932. IV.

11. **„Faust“ u Puškina.** — Goethův Sborník. Praha. 1932.

12. **«Фаустъ» въ творчествѣ Пушкина.** — «Slavia». 1935. XIII.

13. **У истоковъ творчества Достоевскаго.** Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Толстой и Достоевскій. (Сборн. «О Достоевскомъ». III). Пр. 1936.

14. **Světový význam Puskinův.** Praha, Družstevní práce. 1936.

15. **Vybrané spisy A. S. Puškina za redakce A. Béma a R. Jakobsona.** Svazek I. Lyrika. Přeložil Petr Křička. Praha, Melantrich. 1936.

Адресъ для сношеній: **Dr. A. L. Bém.** Praha XIX, Bučkova 29. Tchécoslovaquie.